

Опыт художественного исследования Александра Исаевича Солженицына „Архипелаг – ГУЛАГ“ без преувеличения стал для меня тем его творением, прочитанным в заточении, которое не только во многом защитило от жестокой реальности, объяснив веками складывавшийся уклад тюремной жизни, - зэк, надзиратель, зона – понятия интернациональные, - определило стержневую общность полицейско-прокурорской и судебной систем в различных странах мира, но и помогло твердо встать на путь, ведущий к „свету в конце тоннеля“.

Впервые я познакомился с „Архипелагом“ много лет назад, в 70-х годах на Украине, в Харькове, в пору студенчества. Кажется, книга печаталась в „Новом мире“. Это знакомство было скорее поверхностным, чем глубоким. Своеобразной данью любопытству и моде: мама моего близкого друга так ругала А. И. Солженицына за „антисоветчину“, что я не мог не заинтересоваться предметом такой ненависти.

Но даже прочитав „Один день Ивана Денисовича“ и часть „Архипелага“, я не принял их близко к сердцу. Видимо, сказались молодость, юношеская глупость и все то, на чем были „замешаны“ мы, молодежь СССР 60-х – 70-х годов.

Попав в 2004 году в Австралийскую тюрьму Лонг Бэй, что в Сиднее (Новый Южный Уэльс), я случайно наткнулся в библиотеке сначала на „Один день Ивана Денисовича“, - повесть почему-то соседствовала на полке с „Государством и революцией“ В. И. Ленина, - а чуть позже – на „Архипелаг- ГУЛАГ“. Книги, естественно, были на английском языке. Полистав их и кое-как прочитав некоторые описания тюремно-лагерной жизни, я решил во что бы-то ни стало перечитать и повесть, и опыт художественного исследования на русском. Вскоре моя жена прислала их электронные версии.

„Один день ...“ я проглотил, но воспринял, скорее, как очень интересную литературу. Что же до „Архипелага“, то по-началу, я стал подчеркивать мысли, меня привлекавшие, затем этого показалось мало, и я завел блокнот, в который записывал все самое интересное.

Я читал и не мог поверить, что А. И. Солженицын пишет об СССР. Что все эти доносы, аресты, „обвинения“, суды с прокурорами и судьями, тюрьмы и лагерь с заключенными и охранниками касаются *не меня...*

Я родился в 1953, в год смерти Сталина, в г.Армавир (Россия), что на Кубани, в семье служащих. В 1956 году, после рождения моей младшей сестры Елены, мои родители, - Лев Николаевич и Альфреда Викторовна, - переехали на Украину, в небольшой донбасский городок Красный Луч. В возрасте 6 лет меня отдали в музыкальную школу по классу фортепиано (моей первой учительницей была Елена Ефимовна Высоцкая), а через 6 лет – в Харьковскую среднюю специальную школу-интернат (ХССМШ-И), которую я окончил в 1972 году по классу Виктории Александровны Кричевской. С 1972 по 1977 год я был студентом Харьковского института искусств (ныне Харьковский государственный университет искусств), где учился под руководством выдающегося педагога Регины Самойловны Горовиц, родной сестры Владимира Горовица. В 1975 году женился на соученице по школе и институту Виктории Ивановне Саломатиной. В 1980 году у нас родилась дочь Екатерина. По окончании института, где ещё будучи студентом, я начал преподавать, я отслужил

полтора года в Вооружённых силах СССР. Следующим шагом в получении образования стало 2-годичное обучение в аспирантуре Ленинградской государственной консерватории в классе Народной артистки России, профессора Татьяны Петровны Кравченко. По возвращении в 1981 году из Ленинграда я вплоть до 1998 года работал в Харькове. В 1985 году, не прерывая работу в вузе, - возглавил фортепианный отдел ХССМШ-И. Через несколько лет ученики школы, ведомые талантливыми педагогами отдела, начали побеждать на многочисленных международных конкурсах. В Украине я тесно сотрудничал с несколькими престижными конкурсами: Международным конкурсом юных пианистов памяти В.Горовица (Киев), Международным конкурсом пианистов им.С.Прокофьева (Донецк), Международным конкурсом юных пианистов В.Крайнева (Харьков). Сотрудничество с конкурсом „Памяти В.Горовица“ стало для меня поистине судьбоносным: в 1995, 1997 и 1999 г.г. мои ученики становились либо его победителями, либо призёрами. Решающим фактором в завоевании колоссальной популярности и авторитета этим творческим соревнованием на мировой арене сыграли (и продолжают играть!) два фактора: „звёздное“ жюри и межконкурсные международные гастроли лауреатов. Не говоря, конечно, о высочайшем уровне организации. У истоков конкурса стоят два выдающихся деятеля украинского искусства: Народный артист Украины Иван Карабиц и Заслуженный деятель искусств Украины Юрий Зильберман. С первых дней сотрудничества с этими музыкантами я ощутил их невероятную искренность и желание сделать всё для того, чтобы юные таланты, проявившие себя на конкурсе, имели возможность плодотворно развивать свою профессиональную, и что немаловажно, международную карьеру, посещая наиболее значимые с историко-культурной точки зрения места. Так, первая же поездка в Израиль стала для А.Е. и А. Колтакова не только успешной в творческом плане, - концерты в Иерусалиме и Тель-Авиве прошли блистательно, - но и невероятно значимой в духовном отношении. Посещение Храма гроба Господня, Стены плача, Мёртвого моря, Израильского парламента (кнессета), где они увидели ещё живого премьер-министра И.Рабина, не могли не воздействовать на моих студентов, не запечатлеться навсегда в памяти. Через несколько лет те же впечатления пережил А.Г., побывавший также в комнате, где предположительно состоялась Тайная вечеря. Несколько поездок в США, посещение близнецов-небоскрёбов, Карнеги холла (выступление в Уейл Холл!), Метрополитен музея, Стэйнвай холла в Нью-Йорке, музея космонавтики в Вашингтоне, Кёртис института в Филадельфии (встреча с Гэрри Графманом!) стали событийными для молодых украинцев, никогда не соприкасавшихся с Западным миром. И всё это организовывала команда И.Карабица – Ю.Зильбермана (среди их помощников всегда были А.Смехова, М.Зарудянская и многие др.), беря на себя *полностью все финансовые расходы*. При этом их отношение к студентам всегда было поистине отеческим. С И.Карабицем А.Е. и А.Колтаков записали свой первый диск. А первая запись А.Г. была осуществлена с сыном И.Карабица, Кириллом, в настоящее время развивающего блестящую международную дирижёрскую карьеру. В Украине лауреаты конкурса памяти В.Горовица всегда участвовали в самых престижных концертах и ТВ программах. Я, как педагог, естественно, неизменно сопровождавший своих студентов, в огромном долгу и перед безвременно ушедшем из жизни И.Карабицем, и Ю.Зильберманом, потому что именно эти люди создали фантастические условия для развития артистической карьеры моих студентов. А также моей педагогической карьеры. Я вспоминаю мой последний телефонный разговор (я звонил из Сиднея) с И.Карабицем в 1999 г., когда А.Г. получил 1-ю премию, а А.Е. – 2-ю. С какой любовью и гордостью говорил он о аапобедителях! В 2003 г., будучи членом жюри конкурса „Памяти В.Горовица“, я вместе с Ю.Зильберманом и Н.Суком поклонился могиле И.Карабица. Мы выпили за упокой души Ивана Фёдоровича. А после этого я не выдержал и расплакался. Этот

человек был настоящим мужиком: сильным, светлым душой и одарённым огромным талантом. И ещё он был моим большим и искренним другом...

Я эмигрировал в Австралию, в Новый Южный Уэльс, из Украины вместе с женой и дочерью (обе - профессиональные пианистки) в 1998 году, получив приглашение на постоянную работу из Австралийского Института Музыки (АИМ), что в Сиднее. Эмиграция была условием приглашающей стороны. Еще до переезда мы получили вид на жительство, а через два года, гражданство. Надо сказать, что наша жизнь на Украине была вполне достойной. Мы имели хорошую работу, безупречную репутацию и поддержку правительства. К 44 годам я получил почетное звание „Заслуженный деятель искусств Украины“ и академическое звание профессора, воспитал 17 лауреатов международных конкурсов, издал книгу и довольно часто выезжал за рубеж. Однако, соблазн материального благополучия был велик, и мы оказались на зеленом континенте. *Моим* условием эмиграции администрации АИМ было разрешение привезти из Украины 5 студентов и их бесплатное обучение в институте.

По приезде, мы жили одной семьей: сначала всемером, а позже – восьмером (1 студент, - А. Е., - полтора года жил в доме У. Томсона, артистического директора Сиднейского международного фортепианного конкурса, но в октябре 1999 г. переехал к нам). Содержать такую большую семью было непросто: у нас не было спонсоров, а родители студентов не имели возможности помочь. Я много работал. У жены тоже хватало забот по дому: она готовила, убирала, стирала, обхаживала всю семью. Чуть позже она стала интенсивно преподавать, совмещая эту работу с концертмейстерской. Наша профессиональная карьера, как, впрочем, и карьера всех 5 студентов и дочери развивалась очень успешно. Я был приглашен на работу в Японию и Корею, куда летал 5-6 раз в год, участвовал в австралийских и зарубежных педагогических конференциях, телевизионных и документальных программах, давал мастер-классы. Студенты получили множество премий австралийских и международных конкурсов в Европе, США и Азии. Словом, все развивалось как нельзя лучше. Через 4 года, достигнув совершеннолетия, - кому-то исполнилось 18, кому-то 21-22, - парни разъехались по квартирам. Однако, мы оставались единой семьей: праздники, дни рождения отмечались вместе в нашем доме. Один из студентов, - самый старший, - женился на нашей дочери. Молодые стали жить отдельно (увы, позже, они расстались). Впервые за долгие годы мы с женой по-настоящему принадлежали друг другу (в Украине 23 года мы прожили под одной крышей с моей тещей). В конце 2003 года к нам в гости приехала из Германии моя сестра с семьей. Мы замечательно провели Рождественские и Новогодние праздники. Ретроспективно, я поражаюсь тому, что нашей компанией в это время были люди, ровно через месяц обвинившие меня в страшных преступлениях...

Беда пришла поздним февральским вечером 2004 года. Семья одного из моих австралийских студентов, 15-летнего Л.О., 03.02.04 неожиданно явилась в наш дом и обвинила меня в сексуальных домогательствах. Эти люди, кто еще несколько дней назад были нашими друзьями, заявили, что их информировала другая семья, чей 12-летний сын бросил занятия фортепиано 2-мя месяцами ранее, о моих якобы гомосексуальных наклонностях, а их собственный сын, 01.02.04 узнав об этом от матери, признался в насильственной гомосексуальной связи со мной, якобы длившейся полтора года. Мне было поставлено условие: либо в течение 2-х недель покинуть страну, либо идти в тюрьму. В последнем родители не сомневались. „В Австралии, - утверждали они, - верят всему тому, что говорят дети“.

Для нас с женой этот вечер стал своеобразным „11 сентября“. Следующим утром, 04.02.04, я сообщил обо всем случившемся моему боссу, директору института. А около часа пополудни на моём мобильнике раздался звонок, который иначе как мистическим я до сих пор назвать не могу. Звонила К. Дан, Президент Сиднейского международного конкурса пианистов. Мы не виделись и не общались с 2001 года (около двух с половиной лет!). И вдруг: «Виктор, почему Вы не хотите готовить к Сиднейскому конкурсу А. Гаврилюка?» Я: «Мадам, А. Гаврилюк уже достаточно взрослый человек, чтобы принимать самостоятельные решения. Вам необходимо говорить об этом предмете с ним, а не со мной». На этом разговор закончился. Я не сомневаюсь в том, что мой ответ был воспринят (чем он в сущности и был), как прямой отказ иметь дело с Sydney International. Мои же интуиция и аналитический экзамен этого контакта, а также сопутствующих ему обстоятельств, недвусмысленно указали на витающую где-то рядом тень артистического директора У. Томсона, о чьей предполагаемой роли во всём моём деле пойдёт речь ниже...

Вечером того же дня по моей просьбе родители Л. О. приехали на встречу. Местом встречи *они* избрали офис его матери. Мне было сказано, что если я хочу извиниться и предпринять дальнейшие соответствующие шаги, они готовы меня выслушать. (Лишь позже, читая стенограмму этой встречи, - и разговор в нашем доме, состоявшийся 03.02.04, и этот разговор были тайно записаны родителями на пленку, - я осознал, что это был шантаж. Доказательством тому – факт, что и первая (03.02.04), и вторая (04.02.04) аудиозаписи были отданы в полицию лишь 17.02.04, и только после того, как Л.О. 16.02.04 во время допроса упомянул о них. Любопытным также представляется то обстоятельство, что после их визита в наш дом 03.02.04 родители Л.О. сделали заявление в полицию, лишь узнав 05.02.04 из телефонного разговора с зам. директора института о моём рапорте администрации АИМ. Однако, это их заявление было сделано только... 10.02.04, то есть, через неделю после сделанного ими неофициального обвинения и моего официального рапорта). В ответ, я еще раз (как и 03.02.04) категорически отверг все обвинения и уверил их, что только сумасшедший мог обвинить меня в подобных вещах, и что я буду защищать себя и свою семью.

Днем позже, 05.02.04, я собрал у нас в доме украинских студентов и, в присутствии жены, поведал им о происшедшем.

Через 2 недели, 18.02.04, меня арестовали и предъявили обвинения, после чего отпустили под подписку о невыезде. Арест и обвинения неожиданно широко освещались всеми масс-медиа.

В тот же вечер, - между 10 и 11 часами, - 3-е студентов (А.Е., А.Г. и Е.У.) из 5-х, приехавших с нами из Украины и обучавшихся у меня 12-14 лет, заявили в полицию о том, что якобы подвергались сексуальным домогательствам с 12 лет. Через некоторое время, в связи с этими обвинениями, меня вновь арестовали и снова отпустили до судебных процессов, начавшихся только в ноябре. Я продолжал преподавать (по решению судьи на каждом уроке должен был присутствовать кто-нибудь из взрослых). Все мои ученики, их родители, наши коллеги и друзья в Австралии и многих странах мира сплотились, встав на мою защиту. Последним днем моей работы (09.12.04) был день накануне объявления первого приговора...

По краю жизни...

*По краю жизни, по краю
Судьбой ведомый, шагаю,
Что завтра будет- не знаю,
И дней чреду не считаю.*

*Тюремных дверей грохот –
Сменяет ночной ропот
Птиц беспокойных стаи:
Символом воли стали.*

*Сном забываюсь жданным –
До тишины жадный:
Гомон двора с „братками“
Мозг накаляет до края.*

*Праздные будни точат
Душу, что нет мочи,
В жизненных сил расцвете
Данте коснулся отметин.*

*Круг за кругом сжигая,
Суций смысл постигаю
Чести, дружбы, любви
И разлуки с тобою.*

...Я отдавал себе отчет в том, что между сталинским режимом и австралийской демократией существует огромная разница. Ведь никому в голову не придет заявить, что в Австралии господствует диктатура, или что Австралия – полицейское государство. Да и условия содержания в сталинских лагерях и австралийских тюрьмах Нового Южного Уэльса несопоставимы. Но в то же время, так много „составляющих“ моей судьбы и всего того, что со мной произошло в этой процветающей стране, было столь подробно описано автором „Архипелага“, и касалось совсем другой страны, политической системы, исторического отрезка времени, - случилось более полувека назад, - что, по-началу, я был сражен какой-то мистической общностью абсолютно полярных систем, - я ведь эмигрировал из Украины в свободно-демократическую, по моему мнению, Австралию, - а затем, вчитываясь, стал находить ответы на многие волновавшие меня вопросы. Когда же за четыре страницы до конца третьего тома, можно сказать, „на излете“ „Архипелага“, А. И. Солженицын вдруг рассказал случай из жизни его сослуживца М. Я. Потапова, обвиненного в растлении малолетних (5-ти и 14-летних девочек-соседок), - свидетелем на суде был 6-летний мальчик, подробнейшим образом описавший насилие, а это ведь не австралийский подросток начала 21-го века с его невероятной „интернетовской“ информированностью, но советский 6(!!!)-летний, „образца“ 1962 года, - и осужденного на 12 лет (мой срок!), а затем, после апелляции, получившего 10 лет (снова совпадение с моим делом), и лишь после вмешательства лично А. И. Солженицына и Верховного Суда РСФСР, через несколько лет, полностью оправданного [Потапову удалось доказать сфабрикованность

обвинений и показаний юного „свидетеля“, который, как выяснилось, был детальнейшим образом инструктирован взрослыми!], я понял, что совершенно неважно, в какой стране вы живете, важно, какие этические и духовные ценности исповедует население. Важен менталитет народа!

Если в СССР сталинского и постсталинского времени в менталитете людей доминировал страх, - за свою жизнь, высказывать недовольство, критиковать правительство, строй, идеологию, попасть в руки карательных органов, - и люди, теряя совесть, человеческий облик, писали доносы, предавали друзей и близких, клеветали, - а такой феномен сталинизма, как „стукачество“, не просто процветал, но поощрялся насильственно, - человека, не согласившегося „стучать“, могли посадить в тюрьму, убить, - то в Австралии начала 21 века в сознании людей, наряду со множеством положительных ценностей, сосуществует страх иного рода. Страх быть хуже (не стремление быть лучше!), чем твой ближний, твой сосед, сослуживец, приятель. Страх перед преуспеванием пришельцев из-за океана. Именно, на этой почве расцвел „tall poppy“ синдром, так характерный для зеленого континента [возвышающийся над остальными маковый цветок должен быть срезан!], синдром, фактически уравнивавший понятия равноправия и равенства. Изначально таким „возвышающимся маковым цветком“ для австралийцев была Англия, но постепенно стало все то, что не соотносилось с местными стандартами, превышая их. Приведу в пример сказанному событие, произошедшее со мной в Ковс Хабар, небольшом городке к северу от Сиднея. Мой ученик по имени Матфей участвовал в местном конкурсе на лучшее исполнение концерта. По утвержденным оргкомитетом условиям, *одному* из участников присуждалась 1-я премия в виде возможности выступить с местным симфоническим оркестром. В конкурсе участвовали 7 человек, игравших на разных инструментах. Я специально прилетел в Ковс Хабар проаккомпанировать Матфею. Выступил он удачно, исполнив 1-ю часть 21-го концерта Моцарта для фортепиано с оркестром До мажор. Я не сомневался в его победе. Каково же было мое изумление, когда объявляя результаты, жюри заявило, что условия конкурса изменены: всем 7-ми участникам присуждена 1-я премия и все они выступят с оркестром. Я не выдержал и, обратившись к жюри, сказал, что если они будут и впредь проводить подобную „политику“, их исполнители никогда не достигнут международного уровня. Ответ председателя жюри был обезоруживающим: „Нам не нужен международный уровень“, - сказала она. Австралийцы не понимали, чем я недоволен: ведь все так хорошо сложилось, все дети (15 - 17-летние „дети“!) оказались в *равной* степени поощренными, не обиженными. Ну „срезали“ одного, - в том смысле, что лишили его справедливости быть *единственно* заслуженным победителем, - ну так что? Лучше так, чем расстроить многих. По причине такого отношения к выдающемуся уровню, - в буквальном смысле выдающемуся: выходящему за общепринятые в стране возможные рамки,- более 1 миллиона талантливейших австралийцев молодого и среднего поколения [общая численность населения страны – 21 млн.] учатся, живут и работают за океаном. По той же причине в Австралию десятилетиями не приглашаются *наиболее* известные и пользующиеся огромной популярностью в Европе, США и Азии музыканты, танцоры, актеры. Часто приходится слышать, что все дело в деньгах. И в деньгах тоже, конечно, но главная причина – в психологии отторжения талантов. Люди не хотят видеть рядом более умелого, профессионального, удачливого. А если у этого удачливого, скажем на беду, закончилась виза пребывания в стране, а он ее по каким-то причинам не

продлевать, то любой узнавший об этом австралиец сочтет за честь на него „настучать“.

„Стукачество“ поощряется государством официально, хотя таковым не зовется. Это все, что угодно: участие граждан в управлении обществом, контроле за соблюдением законности и прав людей, помощь органам правопорядка в борьбе с преступностью и терроризмом.

В 2005 году в Министерство по делам эмиграции поступило 50 000 звонков информаторов, сообщивших имена людей с просроченными визами. Об этом с гордостью сообщила Федеральным Министр эмиграции.

В школах Нового Южного Уэльса проводится официальная агитация среди детей „стучать“ на родителей и учителей. К примеру, ребенок имеет право инициировать развод родителей или заявить в полицию, если получил дома подзатыльник. Согласно закону, любое касание учителем ученика может стать причиной уголовного преследования. Все школьники знают, какую сумму (до \$ 52.000) компенсации можно получить, если обвинить взрослого в сексуальных домогательствах.

Другого рода „стукачество“ фактически дает право любому подонку безнаказанно (согласно славянскому менталитету!) оскорбить вас, вашу жену, девушку, детей, родителей и т. д., сказать какую-нибудь мерзость. Вы не имеете права защитить дорогих вам людей и, грубо говоря, набить обидчику морду. Он может заявить („настучать“) на вас в полицию и вам дадут срок.

В СССР у людей за долгие годы страха выработалась стабильная ненависть, презрение к „стукачам“. Их не уважали, сторонились. В Австралии готово „стучать“ большинство населения. И, как это ни парадоксально, движут этими людьми чувство гражданского долга, сознание сопричастности государственным интересам. Допускаю, что псевдогражданского, псевдосопричастности. Скорее, чувства зависти, нетерпимости, либо скрытых национализма или расизма. Но, тем не менее, чисто внешне действия этих людей выглядят как эффективная помощь государству. Хорошо это или плохо? Не так и не эдак! Это – другой менталитет! В любом случае, я берусь предположить, что одной из отрицательных основ советского менталитета сталинского времени и австралийского менталитета начала 21 века является схожий феномен, наполненный разным содержанием: страх. А как следствие – процветание института „стукачей“. Причем, в обоих обществах этот институт используется, как в государственных, так и в личных целях, деформируя человеческую природу многих поколений, способствуя процветанию цинизма и безнравственности.

В случае, если „стукачество“, доносительство используется в личных целях, то здесь открываются необъятные перспективы. Обратимся к А.И. Солженицыну: „...хочет гражданин убрать со света другого гражданина, ему неуютного (но, конечно, не прямо ножом в бок, а *по закону*). - Как это сделать без промаха? Раньше надо было писать донос по 58-10. А сейчас - надо предварительно посоветоваться с работниками (следственными, милицейскими, судейскими, - а у такого гражданина именно такие дружки всегда есть): что модно в этом году? На какую статью невод заведен? По какой требуется судебная выработка? Ту и суй, вместо ножа.

Долгое время бушевала, например, статья „Изнасилование“. Никита [Никита Сергеевич Хрущев – лидер СССР] как-то под горячую руку велел меньше 12 лет не давать. И стали в тысячу молотков во всех местах клепать по 12, чтобы кузнецы без дела не застаивались. А это – статья деликатная, интимная, оцените, она чем-то

напоминает 58-10: и там с глазу на глаз и тут с глазу на глаз! И там не проверишь и здесь не проверишь, свидетелей избегают – а суду как раз этого и нужно“. [По какой-то необъяснимой причине, в английской версии „Архипелага“ полностью отсутствует все, связанное с сексуальными преступлениями в СССР 60-х и сравнение соответствующих статей уголовного кодекса с политическими статьями, использующимися сталинским режимом].

Если мы посмотрим ведущие австралийские газеты за последние 4-5 лет и сравним их с периодом 10-15 летней давности, то с легкостью обнаружим, что в определенный момент, - с конца 90-х годов прошлого века, - количество уголовных дел, связанных с педофилией в этой стране (сексуальная связь с человеком младше 16 лет) резко возросло, а в 21 веке они посыпались, как из рога изобилия. Причём, огромное множество дел связаны с периодом не сегодняшним, а с прошедшим, порой 20-ти – 30-ти -летней давности.

Кто-же стал инициатором моды на эту статью и почему? Кто организовал, словами А. И. Солженицына, эту „вспышку юридической эпидемии“?

Австралийские политики штата Нового Южного Уэльса, пишущие и принимающие законы!

Стоило им изменить закон, по-которому теперь показания якобы потерпевшего являются, в то же время, доказательством вины обвиняемого, и иных доказательств, при их полном отсутствии, не требуется, как за решёткой оказалось множество тренеров, учителей, родителей и т. д. [Приведу в пример обращение прокурора к жюри во время судебного процесса с А.Е.: „...у меня нет данных судебно-медицинской экспертизы, показаний очевидцев либо свидетельств, поддерживающих обвинения. Поэтому вам придётся на слово оценить правдивость и надёжность А.Е.“ ([смотри приложение №1](#))]

А когда какому-то местному „Никите“ пришла в голову идея установить денежную компенсацию жертвам сексуальных домогательств до 52 тысяч австралийских долларов и разрекламировать это начинание через полицию в школах, отчёты о делах, связанных с педофилией, стали появляться в масс-медиа чуть-ли не каждый день.

Почему эта статья уголовного кодекса стала столь модной? Осмелюсь обозначить две основные причины. Власть и деньги – вот два кита, которые определяют мотивации политических деятелей.

Борьба за власть в современном мире – это борьба за голоса избирателей. Тема педофилии, а вернее, развитие этой темы: пересмотр законодательства, увеличение сроков заключения, ужесточение контроля за отбывшими срок и т.д. и т.п., - беспроблемная карта в этой борьбе. Любое общество всегда и справедливо поддержит политика, выступающего в защиту детей. Ни один оппонент этого политика не осмелится, - разумеется без ущерба для себя, - выступить с критикой каких-то конкретных, чисто юридических аспектов изменений закона, либо публично проанализировать эти изменения в свете реального положения вещей в сексуальной сфере 12-15-летних подростков, огромный процент которых в этом возрасте не теоретически, а практически осведомлён о вещах, нашему поколению даже в голову не приходивших.

Прокурорско-судебная система, - с натяжкой, но всё же можно присовокупить к ней и институт адвокатов, - с одной стороны это та курица, которая несёт золотые яйца, выкачивая из населения миллиарды долларов, с другой, - судя по публикациям в прессе, в частности, о том, как назначаются судьи, - структура, находящаяся под скрытым контролем политиков, - согласитесь, что если кто-то из высокопоставленных политических деятелей протезировал судье или прокурору, он вправе ожидать от них

ответных действий, пусть „слегка“ коррумпированных. Нет надобности говорить, что прокурорско-судебная система надёжно опирается на полицию.

Таким образом, всем, входящим в этот круг: политикам, судьям, прокурорам, полиции, адвокатам, соответствующий закон, - когда для осуждения человека достаточно выслушать показания „потерпевшего“, и либо ему поверить, либо нет, - *выгоден*, т.к. даёт власть и приносит всем участникам системы большие деньги, быстро и без особого напряжения.

Вы спросите, ну адвокату-то какая выгода? Отвечу. Если вас защищает старший адвокат, [QC – queen counsel, или SC – senior counsel], его день в суде стоит от пяти с половиной до десяти тысяч долларов. И он их получит независимо от того, выиграл он процесс или проиграл. В Австралии адвокаты не мотивированы выигрывать. Ну скажите, если вы, к примеру, спортсмен и получаете полностью свои наградные, как если бы вы победили, независимо от того, какое место занимаете, вам так уж необходимо лезть из кожи? Лишь адвокат от Бога, как и спортсмен, будет бороться, Но таких единицы. И они, как правило, недоступны.

Диалог с адвокатом

*Здравствуйте! - Доллар! Здоровы? – Два!
Выдох и вдох – по пятнадцать центов!
С рукопожатий, улыбок – проценты!
Льются потоками деньги-слова.*

*Трэфик? Не страшно! Задержка в суде?
Мы до начала соснём в кабинете.
Время оплачено, - тем или этим, -
Доллары тешатся в нашей судьбе.*

*Что? Проиграли? Ей-ей, не беда!
В следующий раз проиграем достойней!
Кто там оплачивать биллы не склонен?
Нехорошо, господа! До суда!*

*Важен – процесс, результат – подождёт,
Что нам страданья людские и судьбы.
Важно, как много банкнот они сунут,
В наши карманы, и что б – наперёд.*

*Не огорчайтесь, коль срок вам мотать,
Может, ошиблись – где, с кем не бывает.
Близким шепните, пускай собирают
Денежки, выручим вас, вашу мать.*

*В смысле, облёгчим удары фортуны
Тысяч на сто, эдак, может и двести,*

*Вы покомфортнее уши развесьте:
Тронут „спагетти“ душевные струны.*

*В сердце – компьютер, в мозгу – калькулятор,
Вместо души - безразличный радар,
Что безошибочно чует навар,
Всё остальное – не близко, не свято.*

*Так и считаем всю жизнь, не живём,
Время – за деньги и чувства – за деньги.
Разность обличий рассматривать лень нам,
Только без устали деньги гребём.*

Отдельного разговора заслуживают полиция и прокуратура, - органы, призванные вести дознание, готовить доказательства, которые на суде предоставляются в качестве улики, обнаруживающих вину обвиняемого и правдивость потерпевшего.

И вновь вернёмся к Александру Исаевичу. Вот что он пишет о дознании в эпоху Сталина:

„...органы никогда не знали никакого дознания!...первое подозрение, донос сексота или даже анонимный донос влекли за собой арест и затем неминуемое обвинение.“

„В инструкции по красному террору чекист М.Я.Лацис писал:“... не ищите на следствии материала и доказательств...“

„...в 1950 году один из видных полковников МГБ Фома Фомич Железнов объявил заключённому так: „Мы ему (арестованному) и не будем трудиться доказывать его вину. Пусть *он* нам докажет, что не имел враждебных намерений“...“

„Какое ускорение и упрощение следствия, неизвестные предыдущему человечеству! Органы вообще освободили себя искать доказательства!“

„Андрей Януарьевич Вышинский в духе гибчайшей диалектики, (которой мы не разрешаем ни государственным подданным, ни теперь электронным машинам, ибо для них „да“ есть „да“, „нет“ есть „нет“), напомнил, что для человечества никогда не возможно установить абсолютную истину, а лишь относительную. И отсюда он сделал шаг, на который юристы не решались две тысячи лет, что стало быть и истина, устанавливаемая следствием и судом, не может быть абсолютной, а лишь относительной. Поэтому, подписывая приговор о расстреле, мы все равно никогда не можем быть абсолютно уверены, что казним виновного, а лишь с некоторой степенью приближения, в некоторых предположениях, в известном смысле. Отсюда – самый деловой вывод: что напрасной тратой времени были бы поиски абсолютных улик (улики относительны), несомненных свидетелей (они могут и разноречить). Доказательства же виновности относительные, приблизительные, следовательно может найти и без улик и без свидетелей...“

Уверен, что любой среднестатистический австралиец, прочитав эти цитаты, скажет: „Это ужасно, конечно, без доказательств, без свидетелей, без улик, без вообще какого-либо расследования судить человека, бросить его в тюрьму, или, ещё хуже, казнить. Но ведь австралийские „органы“ не такие. Они не могут фабриковать дела. Напротив, они дотошно ведут следствие, ищут улики, доказательства и лишь затем передают дело в суд“.

А я на это отвечаю: „Со многим из того, о чём пишет А.И.Солженицын, я столкнулся в Австралии, в штате Новый Южный Уэльс, в связи с так называемым „расследованием“ моего дела полицией и прокуратурой“.

На мой непрофессиональный взгляд, любой пункт обвинения должен быть сначала проверен, а затем доказан. Кстати, глагол „расследовать“ в Оксфордском словаре имеет следующее определение: обнаружить и проанализировать все факты, касающиеся преступления, с целью *выяснения истины*.

Скажем, если 12-летний Б.С. (тот самый, семья которого информировала родителей Л.О. о моих якобы гомосексуальных наклонностях) заявил полиции, что я в продолжении 2-х недель, между 20.11.03 и 05.12.03, в нашей студии в Пимбле сажал его на колени, следователь не должен был воспринимать это на веру. Зная, что я работал не только в Сиднее, но и в Токио, и в Сеуле, а также часто уезжал в связи с международными конкурсами, он должен был уточнить, где я находился в это конкретное время, и если бы эта информация была проверена, то выяснилось бы, что с 16.11.03 по 30.11.03 я работал в Японии, а 05.12.03 состоялся первый и последний, после моего возвращения, урок с Б.С. в Пимбле. Другими словами, было бы очевидно, что показания Б.С. сфабрикованы. [Я уверен, что прекращение и невозобновление судебного процесса с Б.С. в ноябре 2004 г. было связано именно с осознанием прокуратурой несоответствия показаний Б.С. реальным фактам].

А теперь зададим вопрос: „Знал ли следователь, что я часто уезжал из Австралии? Был ли у него список дат моих отъездов?“ Ответим со 100%-й уверенностью: „Нет!“ Зачем ему это расследовать, если показаний „потерпевшего“, да ещё 12-летнего „крохи“ (помните 6-летнего советского „свидетеля“?), вполне достаточно для доказательства „факта“, что мальчика сажали на колени.

То есть для следователя любая обвинительная информация, исходящая от Б.С., Л.О., а позже - от великовозрастных „жертв“ А.Г., А.Е. и Е.У. сразу же становилась истинно-правдивой, не требующей даже поверхностной проверки. Чтобы не быть голословным, приведу множество примеров из моего дела, свидетельствующих о том, что ни полиция, ни прокуратура, на самом деле не проводили дознания, не проверили ни единого факта, не анализировали огромное число противоречий в показаниях „потерпевших“ и свидетелей обвинения, сознательно не опрашивали очевидцев, которые могли бы прояснить истину. Австралийские „органы“ Нового Южного Уэльса, как и советские образца 30-х – 60-х годов попросту „кроили“ дело.

Дорогой читатель, переходя к следующему разделу моего повествования, прошу тебя, наберись мужества, терпения и постарайся вникнуть в достаточно уникальные, хотя и малопривлекательные детали моего уголовного дела.

„Оральный секс“ (судебный процесс с Л.О.)

После февральского вторжения семьи Л.О. в наш дом в Пимбле, но до их заявления в полицию, родители настоятельно рекомендовали Л.О. записать всё то, о чём он поведал матери 01.02.04 (в тот самый день, когда рассказал о домогательствах), в форме стэйтмента (заявления), что Л.О. и сделал 08.02.04 в её присутствии и под её контролем. Обвинение в оральном сексе было описано достаточно подробно:

„Наклоня мою голову, он хотел, чтобы я взял его пенис в рот. Я отказался и каким-то образом избежал принуждения. На время он оставил свою затею, но позже вернулся к ней вновь. Результат был прежним. Тем не менее, он добился своего, сделав мне „это“. Я старался концентрироваться на чём-либо другом, надеясь таким образом перенести всё происходящее и уменьшить отрицательный эффект“. Это было не просто правдоподобно. В это было трудно не поверить. Однако, вскоре началась мистика. Через 4 дня, 12.02.04, в интервью полиции Л.О. ни словом не обмолвился об оральном сексе. То же – 16.02.04. То же – в течение последующих 9 месяцев, в период расследования дела прокуратурой. Во время судебного заседания в начале ноября 2004 г. Л.О. вновь не упомянул оральный секс. И только когда начался перекрёстный допрос, адвокат защиты, с целью показать лживость свидетельств Л.О., спросил его, почему он „забыл“ рассказать суду о таком серьёзном обвинении. Ответ был неожиданным: „ Потому, что это неправда. У нас никогда не было орального секса“. Адвокат предъявил Л.О. его первый стэйтмент. После чтения реакция Л.О. была ещё более поразительной: „Я не читал этот стэйтмент с момента написания. Я не могу помнить всё...“ Таким образом, Л.О. признался в даче письменных, детальных показаний в связи с обвинением в оральном сексе, никогда не имевшем места. Он также признался, что не сказал об оральном сексе в полиции и прокуратуре, т.к. забыл,...что *написал* об этом в своём первом стэйтменте. Другими словами, Л.О. признал фабрикацию собственного обвинения.

Реакция судьи была более, чем своеобразной. Обращаясь к жюри, она сказала: „Прокуратура не должна доказывать, что обвиняемому несколько раз не удалось вставить свой пенис в рот потерпевшего, т.к. всё это не является элементами предъявленных обвинений.“

„Стенной шкаф и порно CD“ (судебный процесс с Л.О.)

Согласно свидетельствам Л.О., я демонстрировал ему порно клипы в течение 10 месяцев 2003 года (40 понедельников!). Часть клипов, как показал Л.О., была записана на CD, которые якобы хранились в стенном шкафу моего кабинета. Родители, видимо желая добыть доказательства, попросили Л.О. взять CD из шкафа во время их неожиданного визита к нам 03.02.04. Вне всякого сомнения, они рассчитывали на внезапность визита: ведь если в течение целого года CD лежали в одном и том же месте, они, наверняка, продолжают там находиться. Позже, полиция, со своей стороны, предложила Л.О. на диаграмме кабинета и на фото шкафа обозначить место нахождения CD.

Когда семья Л.О. 03.02.04 вошла к нам в дом, Л.О. незаметно юркнул в кабинет и вернулся ...ни с чем. Позже он „объяснил“ родителям, что я якобы переложил CD. С диаграммой и фото история вышла более „впечатляющей“. Дело в том, что в том месте, на которое дважды указал Л.О., никогда не было ящиков (он настаивал на ящиках), где могли бы лежать CD, там всегда (с момента, когда дом был построен 40 лет назад)

висела одежда (сначала предыдущих хозяев, затем – наша). Л.О. не мог этого знать, когда делал обозначение на фото, т.к. это было фото *закрытого* шкафа. Когда же адвокат защиты предъявил Л.О. фото открытого шкафа, Л.О. был категоричен: „Они переделали шкаф“. Тогда защита обратилась к суду с просьбой показать видео открытого шкафа, сделанного полицией в феврале 2004 года во время обыска в нашем доме. Просьба была удовлетворена. Видео полиции и фото защиты полностью совпадали. Таким образом, фабрикация Л.О. была доказана.

Реакция судьи была аналогичной её реакции на ложь Л.О. в связи с оральным сексом: „Прокуратура не должна доказывать, что ящики были с левой, а не с правой стороны шкафа, т.к. это не является элементом преступления“. Оставив в стороне тот факт, что без каких-либо улик или показаний очевидцев доказать „элементы преступления“ было попросту невозможно, зададим вопрос: „Если это было не столь важно, где якобы лежали CD, для чего полиция попросила Л.О. сделать диаграмму, обозначить соответствующее место на фото и сняла на видео открытый шкаф? Всё это было сделано в связи с тем, что обвинения, относящиеся к 2003 году (пять из восьми, включая обвинение в изнасиловании), согласно показаний Л.О., были связаны с демонстрацией порно, и полиция, естественно, не имела права игнорировать этот факт, не могла его не расследовать. Кроме того, было совершенно очевидно, что человек, обладающий нормальной памятью (Л.О. обладал фотографической памятью, моментально запоминая нотный текст!), не мог не помнить, где в течение 10 месяцев(!) хранили CD, если их каждый раз доставали и клали обратно на его глазах!

То, что Л.О. сознательно лгал, ясно, как Божий день. Но как полиция и прокуратура допустили такой чудовищный ляп? „Потерпевший“ дал полиции столько информации (CD переложили, на схеме указано место, где они якобы лежали, словесно описан шкаф). Во время обыска эта информация наверняка проверялась и анализировалась: после того, как было сделано видео, оно безусловно, было показано Л.О. А Л.О. на суде говорит несусветную чушь, которую любой эксперт легко опровергнет! Знаете, как дело было? Никто ничего не анализировал и не проверял! „Органы“ довольствовались показаниями Л.О. Неважно, были ли CD, как выглядел шкаф, переделывали ли его. Важно только то, что говорит обвинитель, - независимо от того, это правда или ложь, - потому что человек, на которого показывает „потерпевший“, заранее виновен. „Органы“ не интересуют истина!

„Демонстрация порно и показания полицейского компьютерного эксперта“(судебный процесс с Л.О.)

Как было сказано выше, согласно показаниям Л.О., 5 обвинений, приходящихся на 2003 год, были связаны с демонстрацией порно. Он настаивал на том, что на протяжении 40 понедельников, за 15 минут до конца каждого урока, я якобы вёл его на 2-й этаж нашего дома, в мой кабинет, и, используя компьютер, показывал видео клипы гомосексуального содержания. Это сопровождалось сексуальными домогательствами, и в конце концов, по словам Л.О., закончилось изнасилованием. В свидетельствах Л.О. было несколько довольно странных деталей. Во-первых, он утверждал, что ему никогда не показывали интернетовские порно-фото, только видео клипы; во-вторых, - что он не хотел смотреть порно и закрывал глаза, а я насильно открывал ему веки (и так – 40 раз!); в-третьих, что его никогда не мастурбировали, не играющим на рояле (только играющим??!); в-четвёртых, что сексуальные домогательства и демонстрация порно

происходили только по понедельникам, никогда – по другим дням недели (хотя Л.О. бывал у нас регулярно по пятницам, а иногда, и по четвергам). Эти детали вряд ли вызвали бы доверие у рационально мыслящего человека. Однако, наиболее серьёзные противоречия свидетельств Л.О. были связаны с показаниями полицейского компьютерного эксперта. Констэбль Нг информировал суд, что порно клипы [на хард драйве сохранились только названия клипов, и строго говоря, согласно существующим правилам, - визуальная и аудиоинформация, представляемая в суде, должна соответствовать кондициям, когда её можно протестировать,- такие „свидетельства“ не должны были быть допущены судом, а если к этому добавить, что к моменту суда хард драйв был необратимо повреждён полицией, - что также противоречит условиям компьютерных свидетельств, - станет ясно, с каким уровнем ответственности (вернее безответственности, если не незаконности!) „органы“ отнеслись к расследованию] существовали в компьютере только *6 недель* - между 02.08.03 и 10.09.03. Характерно, что Л.О. после 10 месяцев „просмотра“ дал суду название только одного (!) клипа, но *этого* названия не оказалось среди обнаруженных экспертом.

Требует пояснения наличие названий порно сайтов в компьютере. Прежде всего отмечу, что *речь не шла о нелегальной порнографии*. Далее, доступ к моему компьютеру был открыт 5-и украинским студентам, *признавшимся* на процессе, что они постоянно загружали порно, и Л.О, проводившем в моём кабинете множество часов в одиночестве.[Когда адвокат защиты спросил Л.О., пользовался ли он моим компьютером в моё отсутствие (защита имела очевидца, подтвердившего этот факт), он ответил: „Нет!“ И этим выдал себя. Ему никогда не запрещали „рыться“ в „паутине“. Более того, поощряли поиск сайтов, связанных с искусством, литературой. Не говоря о компьютерных играх, не требующих никакого поощрения. Л.О. боялся выдать свой интерес к порнографии. Только этим объясняется его странное отрицание пользования компьютером].

Так или иначе, свидетельства компьютерного эксперта доказали, что, во-первых, показания Л.О. о „40 понедельниках“- „фикция“, и, во-вторых, что *после 10.09.03* ни одного из преступлений, в которых меня обвинил Л.О., не могло быть совершено (полицейский эксперт показал, что в случае, если после 10.09.03 использовались CD, эта информация осталась бы на хард драйве). Почему это важно? Потому что 13.09.03(!) Л.О, написал мне поздравительную открытку следующего содержания:

„Дражайший Профессор!

Можно прочесть все книги мира, увидеть все чудеса света, побывать во всех уголках земного шара, быть обладателем всевозможных академических дипломов и иметь наилучшую репутацию, однако, ничто из перечисленного не в состоянии принести человеку счастье.

Ваше присутствие в моей жизни и Ваша безграничная преданность музыке пробудили во мне огромное уважение и любовь к Вам не только как к музыканту и пианисту, но как к необыкновенному человеку. Я не могу представить жизнь без Вас. Ваша тёплая забота на протяжении последних пяти лет не только воспитала во мне музыканта и научила постигать музыку, но также помогла мне стать лучше как личность, друг, человек. Невозможно передать словами, что я чувствую сердцем: это так глубоко. Я надеюсь, что в этот Ваш день рождения, и в последующие многочисленные дни рождения Вы будете продолжать вдохновлять тысячи людей, имеющих счастье находиться рядом с таким, Богом данным миру, даром.

С глубочайшей любовью и восхищением, Л.“ ([см. прил. №2](#))

Когда мой адвокат спросил Л.О., как тот мог написать столь тёплые, глубокие и искренние слова *после* того, как с ним произошли все эти ужасные вещи, его ответ был: „Совсем не обязательно, что я написал это *после*, открытка написана 13 сентября“ (отметим, что с 21 по 30 сентября я находился в Корее, а временной предел последнего обвинения обозначен прокуратурой 30-м сентября). Тогда адвокат предложил Л.О. прочесть вслух то, что тот написал более года назад. Закончив читать открытку, Л.О. не выдержал напряжения, и когда адвокат задал вопрос: „Когда Вы это писали, любили ли Вы Его?“, - буквально сломался: тело ссутулилось, он тяжело опустил голову на руки и сидел так до тех пор, пока не поспешила на выручку судья. Она своей возмутительно некорректной репликой, полностью извратившей то, о чём спрашивал адвокат, - „Какая разница, любит он Вашего клиента сейчас или нет?“ (вопрос был не о „сейчас!“), - полностью разрушила стратегию защиты.

Тем не менее, ответ Л.О. относительно времени написания фактически явился признанием того, что все обвинения, относящиеся к периоду *до* 13 сентября были сфабрикованы. Этот вывод подтверждает и то обстоятельство, что согласно представленным суду свидетельствам, Л.О. теоретически мог быть подвергнут насилию (а Л.О. настаивал на изнасиловании!) только в период между 02.08.03. и 10.09.03. Содержание открытки, написанной 13.09.03, безоговорочно доказывает тот факт, что в момент написания Л.О., - как подросток и ученик, - с лояльностью, любовью и уважением относился к своему учителю. Абсолютно немыслимо представить, что подобные слова мог написать юноша вскоре после того, как был изнасилован.

[Судья, несмотря на просьбу адвоката защиты, не включила в своё послание жюри ни свидетельства полицейского компьютерного эксперта, ни факт написания открытки, хотя и первые и вторая до сих пор являются неопровержимыми доказательствами лжи Л.О.].

„Глава из автобиографии и поздравительная открытка к моему 50-летию“
(судебный процесс с Л.О.)

В своём первом стэйтменте 08.02.04 Л.О. обозначил время, когда сексуальные домогательства якобы начались: за два месяца до начала июля 2002 года. Это значит, что с мая 2002 г. Л.О. уже находился под гнётом сексуального преследования.

В то же время:

1. По свидетельству родителей Л.О. и его собственному, он попросил отца и мать не посещать его уроки по фортепиано, - по его словам, без их присутствия я преподавал якобы значительно лучше, - между июлем и августом 2002 г. [Согласно логике, он должен был, наоборот, настаивать на присутствии родителей, чтобы не допустить домогательств]. Отец Л.О. свидетельствовал, что перестал постепенно посещать уроки с августа-сентября. Причём, эту информацию он дал как в полиции, так и , после некоторого „сопротивления“, - в суде.
2. 28.06.02 Л.О. отдал своему школьному учителю проект „Автобиография“, одна из глав которой была посвящена мне:

„Эта глава полностью посвящена ему и его работе. Этот необыкновенный человек был единственным, кто вдохновил меня на труд и профессиональные достижения после того, как я был почти готов навсегда бросить занятия музыкой.

Он продолжает оставаться тем, кто, несмотря на все трудности, связанные с обучением детей и взрослых, находит время давать мне 3 урока в неделю, в то время, как многие 2 недели ждут своего урока. Я вряд ли смогу передать словами то, что он значил и значит для меня в моей жизни, что я чувствую по отношению к нему в моём сердце. Он не только настойчиво и неуклонно вёл и ведёт меня к профессиональным высотам, но и, вместе с моими родителями и близкими, помогает в формировании моего характера и личностных качеств. Он поднял меня с уровня заурядного пианиста на уровень профессионального музыканта с четырьмя сольными программами за плечами и множеством других достижений.

Впервые я узнал о нем в середине августа 1998 года от моей учительницы по скрипке, Хелен Айерс. На самом деле, именно она способствовала нашему визиту к Профессору. Мы, - я и мой отец, сопровождавший меня, - последовали ее совету. Профессор жестом пригласил нас в класс, предложил сесть и подождать, пока он закончит урок с предыдущей студенткой. Когда она ушла, он попросил меня что-нибудь сыграть. Я кое-как исполнил „Рондо в турецком стиле“ Моцарта, после чего он спросил: „Ты хочешь становиться концертный исполнитель?“ (Я должен заметить, что в то время английский Профессора был проблематичным, но все же „понимаемым“). Я ответил утвердительно. „В этом случае, - сказал он, - подготовка начнется прямо сейчас!“. Так я стал его учеником. Я знаю, что это звучит вполне обыденно, но для меня это был один из самых волнующих моментов моей жизни. Стать учеником маэстро – кое-что значило!

На том же уроке он задал мне пьесу И. С. Баха, сопроводив это словами: „Будем посмотреть, что ты с этим сделаешь!“ Дома „посмотреть“-то я „посмотрел“, но „сделать“ с этим ничего не смог. Когда на следующем уроке он исполнил пьесу для меня, я заплакал. Его игра вызвала не только слезы, но и глубочайшее уважение, не покидающее меня с тех пор. Никто, ни один музыкант, никогда не играл с такой пронзительной глубиной, заставившей расчувствоваться столь уверенного в себе подростка, имеющего собственное мнение, каким я был. Его игра подавила мою волю и подсознательное сопротивление чувствительности. Это был совершенно потрясающий опыт. Действительно, потрясающий.

Постепенно, мало по малу, мой репертуар увеличивался, как и уровень пианизма по сравнению с тем, который я продемонстрировал во время нашей первой встречи. С развитием моего профессионализма развивались и наши отношения. Он стал не только моим ментором и учителем, но и большим другом. Со временем, я начал видеть настоящего Профессора: не только строгого, стремящегося к совершенству профессионала, исправляющего мои недостатки, но и скрывающуюся за „железной маской“ его профессии добрую душу. Я увидел Виктора Макарова без звания „Профессор“ перед его именем. Я думаю, если бы каждый в этом мире имел такое же доброе сердце, мир был бы значительно лучше.

После 4-х лет обучения у Профессора, он каким-то непостижимым образом продолжает вдохновлять меня, создавая на уроке атмосферу всеобъемлющего энтузиазма, напряжение которого очень трудно описать. Одно дело говорить и читать об этом, и совершенно другое – находиться там самому. Этот опыт – незабываем. Вы полностью подчиняетесь ауре звука, голоса и силы, наполняющих комнату. Класс становится дворцом: он король; вы, – простой смертный, с изумлением ловите взгляд его величества. И, о, чудо, сердечность и тепло, распространяющиеся вокруг подобно свету, рождаемому прекрасную музыку, когда-либо слышимую вами, уносят вас далеко-далеко, погружают в транс, полностью лишают власти и растворяют в райском вихре бесчисленно поющих звуков. Вы можете только сидеть и слушать.“ ([см. прил. №3](#))

3. После вопроса адвоката, как Л.О. мог написать эту главу после 2-х месяцев сексуальных домогательств, Л.О. ответил: „Все, написанное в автобиографии – чистая правда, т.к. это написано *до* начала растреления“. Другими словами, Л.О. признал, что он *не смог бы* написать подобное, если бы домогательства в это время имели место, а также – несоответствие его 1-го стэйтмента.
4. 15 месяцев спустя, 13.09.03, Л.О. написал вышеприведенное письмо-открытку к моему 50-летию аналогичного, - если не более эмоционального, - содержания.

[Этим 2-м документам-доказательствам, один из которых – рукописный, суд не придал вообще никакого значения, полностью их проигнорировав.]

Судебный процесс с А. Е.

В свидетельствах А.Е. было несколько краеугольных моментов, явившихся впоследствии причиной приговора.

1. А.Е. сообщил суду, что подвергался сексуальным домогательствам с 12 лет, еще будучи на Украине (эта информация, „естественно“, не проверялась и была воспринята на веру), однако это, как он утверждал, *никогда не влияло* на его профессиональную карьеру (в течение 14 лет обучения у меня!), не отражалось на качестве концертных выступлений, т.к. он с легкостью забывал о домогательствах под воздействием моих профессиональных требований. После того, как защита пригласила несколько профессиональных музыкантов с международным концертным опытом, показавшим, что стресс не может не влиять на концентрацию исполнителя, - особенно, в юном возрасте, - а выигрывать международные конкурсы с ущербной концентрацией, попросту, невозможно (А. Е. – лауреат I-х и II-х премий международных конкурсов), жюри обратилось к судье с просьбой предложить прокурору пригласить экспертов с альтернативной точкой зрения. В ответ судья заявила, что *область концертного исполнительства в состоянии стресса, и, в частности, под гнетом сексуальных домогательств, не может быть проэкзаменована*, а эксперты, приглашенные защитой, таковыми не являются. В результате, утверждение А.Е. было принято на веру. Ни судью, ни прокурора, несмотря на требование защиты и рекомендацию Верховного Суда Австралии (если суть рассматриваемой в суде проблемы выходит за рамки опыта жюри, должен быть приглашен профессиональный эксперт) мнение профессионалов не интересовало.

Какого же было мое изумление, когда через 6 месяцев после окончания процесса 13.04.06 А.Е. (совместно с А.Г. и Е.У.!) с целью получения дополнительной финансовой компенсации (ранее он как „жертва“ получил 45 тысяч австралийских долларов), подал иск в Верховный Суд Нового Южного Уэльса, в котором подробнейшим образом указал все психологические травмы, якобы полученные им в результате сексуальных домогательств. Центральной травмой была: невозможность осуществления полноценной профессиональной карьеры, вызванная депрессией, трудностью концентрироваться, общаться с людьми, проявляющаяся в чувствах беспомощности, безнадежности, раздражительности, болезненности, необходимости психиатрического лечения.

В стэйтменте не было сказано ни слова о профессиональных достижениях А. Е. до нашей эмиграции в Австралию, после эмиграции и в настоящее время. Этот стэйтмент, как и совершенно противоположные показания шестимесячной давности, *был сделан под присягой*. А.Е. не просто врал. Он врал вероломно, рассчитывая на полную безнаказанность. Как еще можно назвать ложь человека, постоянно выступающего в лучших австралийских залах, с лучшими оркестрами и дирижерами, имеющего блестящие рецензии ведущих австралийских газет, человека, чьи выступления неоднократно транслировались ABC, кто окончил Австралийский институт музыки и аспирантуру Сиднейской консерватории, и кто последние восемь лет ведет преподавательскую работу? (Кроме того, А.Е. вполне благополучен в личной жизни). [\(см. прил. №4\)](#)

А.Е. также утаил, что учился у меня с 7 лет до 21 года, а в его интервью психиатру (Верховный Суд Нового Южного Уэльса потребовал заключение психиатра, на основе которого был сделан вышеупомянутый стэйтмент А.Е., но т.к. такового, естественно, не оказалось, - все „травмы“ в стэйтменте были обозначены совершенно произвольно, - А. Е., полутора годами позже, 05.11.07, все же встретился с врачом) заявил, что *я никогда не был ни хорошим пианистом, ни педагогом*. Он дал психиатру такое количество ложной информации, что читать его интервью без содрогания невозможно. К примеру, по словам А.Е., в 1997 году я привез в Австралию 5 студентов, жил с ними в гостинице и занимался сексом (в 1997 г. я был в Австралии только с А.Е., участвуя в педагогической конференции!). А в 1998 году, после нашего с семьей и студентами прибытия в Сидней, мы „оказывается“ 18 месяцев жили в доме нашего „патрона“ (???) У. Томсона (А. Е. скрыл, что только *он* полтора года жил у Томсона, а затем, фактически, сбежал к нам: ему пришлось бы объяснять, почему он переехал к человеку „сексуально преследовавшего“ его с 12 лет!).

2. А. Е. показал, что в октябре 1999 года, после полутора лет жизни в доме У. Томсона (имея полное бесплатное обеспечение и идеальные условия для жизни и учебы, включая рояль фирмы Стейнвей, компьютер, библиотеку и бассейн), переехал в наш дом, потому что это был якобы мой приказ, причиной которого стал конфликт между мной и У.Томсоном. А.Е. утверждал, что я имел невероятную власть над ним, не позволяющую ему не подчиниться.

У меня не было конфликта с мистером Томсоном. И тот это подтвердил. Конфликт был у А.Е. Причем, долгий, я бы сказал, изнуряющий. А.Е. встречался с девушкой, - студенткой-скрипачкой. У.Томсон не мог это переносить и постоянно препятствовал встречам, ограничивая А.Е. во времени. Он даже завел специальную регистрационную книгу, куда А.Е. должен был записывать время ухода и прихода. Кроме того, - А.Е. информировал меня об этом незадолго до своего переезда к нам, - мистер Томсон по вечерам позволял себе неприемлемое поведение в отношении А.Е. в своей спальне. С начала 1999 года А.Е. постоянно писал родителям о нескладывающихся отношениях с У.Томсоном, не углубляясь при этом в детали. Его мать, в свою очередь, встревоженная его письмами, сообщила мне о сложившейся ситуации (письмо, к счастью, сохранилось!) [\(см. прил. №5\)](#). 20 октября, в первой половине дня, А.Е. позвонил нам и попросил о переезде: он не мог более находиться в доме У.Томсона. Я был не против, но рекомендовал ему нанести визит директору института и сообщить тому обо всем. А.Е. так и сделал. Однако, У.Томсон сопровождал его и присутствовал при разговоре с Доктором Калво. Директор предложил А.Е. не спешить с переездом, подождать две недели, но тот был непреклонен. „Я долго размышлял об этом и твердо решил переехать сегодня“, - сказал А.Е. (Доктор Калво изложил

содержание этого визита в стэйтменте) ([см. прил. №6](#)). В тот же день А.Е. переехал к нам. В суде, с целью скомпрометировать меня, А.Е. полностью извратил факт переезда. Оба, А.Е. и У.Томсон, не сказали ни полиции, ни прокуратуре, ни, естественно, жюри о долговременном конфликте между ними и о визите к директору института. Таким образом, жюри было уверено, что причиной переезда были мой авторитарный характер и полная власть над А.Е. Оба эти фактора соотносились с обвинениями.

3. Важная информация, которую А.Е. утаил от следствия, была связана с двумя декларациями о попечительстве. А в отношении факта о том, когда и каким образом было принято решение о проживании А.Е. в доме мистера У.Томсона, оба они сознательно солгали в полиции и суде.

Решение о проживании в доме У.Томсона было принято родителями А.Е. в *декабре 1997 года*, в ответ на соответствующее предложение У.Томсона, сделанное им через меня в 1997 г. во время Австралийской Национальной фортепианной педагогической конференции, на которую мы с А.Е. были приглашены еще в 1995 году. (Впервые предложение жить и работать в Австралии было передано мне через У.Томсона Австралийским институтом музыки в апреле 1997 г. В июле того же года, в Сиднее, во время конференции, были оговорены все детали нашей эмиграции, включая возможность бесплатного обучения в институте пяти моих студентов из Украины и дочери). Они оформили декларацию о попечительстве ([см. прил. №7](#)). Я передал ее мистеру У.Томсону в январе 1998 года, во время моего с женой визита в Сидней. Однако, по возвращении в Украину, я был информирован известным музыкантом, проживающим в Лондоне, о сексуальных наклонностях У.Томсона и его фаворитизме по отношению к мальчикам. Я немедленно рассказал об этом родителям А.Е. и 03.02.98 г. они сделали 2-ю декларацию – на мое имя, на случай, если А.Е. будет чувствовать себя в доме У.Томсона дискомфортно ([см. прил. №8](#)). А.Е., естественно, был в курсе всех событий, и когда в октябре 1999 переезжал к нам, знал, что делает это на законном основании. В полиции и суде А.Е. настаивал на том, что решение о его проживании у мистера Томсона было принято спонтанно, после нашего прибытия в Сидней в июле 1998 г. ([см. прил. №9](#)). У.Томсон заявил в полиции, что предложил А.Е. по приезду жить у него, т.к. дом, который мы рентовали, был слишком мал для 8-х человек (по иронии судьбы, этот дом нашел сам Томсон; он же оформил рент!) ([см. прил. №10](#)). Для чего они лжесвидетельствовали?

Если бы А.Е. открыл факт существования 2-х деклараций о попечительстве, заявленных родителями с разрывом в один месяц, возникли бы неизбежные вопросы. Для чего это было сделано? Почему они обеспечили законный переезд сына в наш дом за 20 месяцев до того, как это произошло? Почему ни родители, ни А.Е. не информировали У.Томсона о 2-й (на мое имя) декларации? Ответ А.Е. на эти вопросы, его показания относительно моего приказа переехать и моего авторитарного характера моментально провалились бы! Жюри стало бы ясно, что А.Е. заранее был инструктирован родителями, в *каком* случае он должен покинуть дом Томсона. Им также было бы очевидно, *почему, именно*, родители не доверяли мистеру Томсону. А.Е. и У.Т. не могли этого допустить! Им нельзя было скомпрометировать У.Томсона, показав его личный интерес к А.Е. и мальчикам, т.к. мистер Томсон был единственным свидетелем обвинения и подтверждал несколько ключевых „свидетельств“ А.Е.

О декларациях и реальных обстоятельствах решения о проживании в доме Томсона ни прокурор, ни судья понятия не имели. Однако, когда я попытался обо всем этом рассказать, они меня остановили, не дав говорить.

4. Еще одно лжесвидетельство А.Е. и У.Томсона связано с датой последнего выступления А.Е. в Сиднее в июле 1997 года. Оба они обозначили дату – 13 июля. А вечером этого дня, по возвращении в отель, по словам А.Е., он подвергся содоми. Причем, как он сказал, это не случилось ни до, ни после. И прокурор, и судья фокусировали внимание жюри на том факте, что произошедшее не могло повлиять на последующие выступления А.Е. в Сиднее, т.к. их, попросту, не было, и никто не мог видеть результаты негативного воздействия сексуального насилия.

На самом деле, последним выступлением А.Е. был его концерт-встреча 16 июля 1997 г. в Украинском Доме Сиднейского района Лидкомб. Представители Украинской диаспоры общались с А.Е., слушали его игру. Украинский еженедельник „Вільна думка („Свободная мысль“) опубликовал 3-страничный восторженный отчет об этом событии со многочисленными фотографиями ([см. прил. №11](#)). Одна из них, - А.Е. и меня, сделанная в номере гостиницы, где два дня назад, по словам А.Е. он подвергся сексуальному насилию, и на которой я сижу, а А.Е. стоит за моей спиной, положив руки на мои плечи, и излучая уважение и ученически-подростковые преданность и привязанность, – свидетельствует об абсолютно адекватном психологическом состоянии А.Е. Фото с многочисленными гостями Украинского дома доказывают, что А.Е. не испытывал никаких трудностей в общении с публикой (что совершенно не характерно для поведения подростка, накануне подвергшегося сексуальным домогательствам и содоми).

И А.Е. и У.Томсон, безусловно, знали и помнили о концерте 16 июля. У них также была газета с отчетом. Однако, они не хотели, чтобы полиция, прокуратура, судья, и, конечно, жюри видели реальные документальные свидетельства, - не фальшивые, словесно сфабрикованные А.Е.,- а объективно запечатлённые австралийскими корреспондентами.

Таким образом, все даты, приведённые выше, - документов и событий, - несомненно доказывают лживость показаний, данных А.Е. и У.Томсоном под присягой. Тем не менее, улики, собранные мною, были отвергнуты не только в 2005 году городским судом, но и в 2008 году – Верховным апелляционным судом Нового Южного Уэльса, несмотря на то, что дача ложных показаний под присягой – серьёзное уголовное преступление. Между тем, решение жюри в 2005 году, оправдавшего меня в связи с обвинением №9, - попытка орального секса, описывая которую, А.Е. в одном случае сказал: „опустил шорты“, а в другом: „расстегнул змейку“, - недвусмысленно показывает, что знай жюри о заведомой лжи А.Е. и У.Томсона относительно целого ряда фактов, они были бы не в состоянии установить стандарт доказанности моей вины в отношении обвинений №№1-8. Следует также добавить, что обвинение №9 было единственным „событием“, которое А.Е. смог „вспомнить“ за период с июля 1998 г. (время нашего прибытия в Австралию) по февраль 2004 г. (время предъявления обвинений), что выглядит, - если я действительно имел тенденцию, в которой был обвинён, - абсолютно нереалистично.

Судебный процесс с А.Г. и Е.У.

В 2008 г. Апелляционный суд Нового Южного Уэльса удовлетворил мою апелляцию относительно процесса с А.Г. и Е.У.: снял судимости и назначил новые, теперь уже отдельные суды. Но даже, признав нарушения процессуальных норм закона (изначально судья не должна была разрешать совместный, - с А.Г. и Е.У., - процесс), судьи (их было 3) не оправдали меня, несмотря на множество фактов (связанных с фактором времени), доказывающих фабрикацию обвинений. Как и в случае с Л.О. и А.Е., австралийские юристы не хотели ни видеть, ни признавать очевидные и достаточно простые вещи, связанные с элементарной логикой и тысячелетней культурой человечества.

Одним из наиболее серьёзных доказательств фабрикации обвинений был факт неудачной и крайне слабой попытки А.Г. и Е.У. поддерживать показания друг друга. В итоге, несмотря на то, что полиция дала им для подготовки стэйтментов полтора месяца (случай, неслыханный в юриспруденции!), каждый раз, когда они рассказывали об одних и тех же событиях (то есть происходящих в одно и то же время), у них не сходились концы с концами.

А.Г. и Е.У. пытались дать идентичные показания в 2-х сферах: так называемых „родственных“ свидетельствах (непредъявленные обвинения в нерасследованных сексуальных домогательствах, якобы имевших место на Украине, и привнесённых вербально в Австралийский суд) и обвинениях №№ 2, 3 и 5 (все остальные обвинения, - всего – 10, - оригинальностью не отличались: мастурбация, оральный секс, - и не имели вообще никаких доказательств). Отвечая на одни и те же вопросы адвоката защиты, оба „потерпевших“ допустили бесчётное количество несоответствий по сравнению с их ответами в полиции или прокуратуре, что, как известно, является наиболее распространённым симптомом лжи, а *также*, противоречили друг другу.

„Родственные“ свидетельства.

„Эпизод в общежитии Киевского музыкального училища, якобы имевший место в 1997 г., во время международного конкурса пианистов памяти В. Горовица“

1. Оба „потерпевших“ показали, что администраторы конкурса, будучи моими друзьями, предоставили мне комнату с *одной* кроватью, зная, что я там буду жить с моим студентом и будущим зятем А. Колтаковым (во время суда защита представила документ дирекции училища о том, что у них в общежитии никогда не было комнат с одной кроватью, но судья этот документ отклонила, и жюри с ним не было ознакомлено).
2. А.Г. и Е.У. показали, что эпизод в общежитии произошёл только *1 раз*.
3. Е.У. утверждал, что в комнате присутствовал А.Колтаков.
4. А.Г. утверждал, что Колтакова в комнате не было.
5. Е.У. утверждал, что А.Г. в комнате не было.
6. А.Г. утверждал, что Е.У. в комнате был.
7. Е.У. утверждал, что я пытался подвергнуть его содоми.
8. А.Г. утверждал, что он, Е.У. и я занимались взаимным оральным сексом.
9. А.Колтаков категорически отверг все обвинения.

„Эпизод в купе поезда Киев – Харьков, якобы произошедший в 1998 году“.

1. А.Г. и Е.У. утверждали, что вместе с А.Е. и Е.У. я занимался взаимным оральным сексом.
2. А.Е. ни в полиции, ни во время судебного процесса не подтвердил эти сведения. По неизвестным мне причинам, А.Е. не был допрошен „органами“ в связи с этим эпизодом, и несоответствие показаний А.Е. „свидетельствам“ А.Г. и Е.У. никогда не было расследовано.

Обвинения №№ 2 и 5.

1. А.Г. и Е.У. утверждали, что события этих обвинений произошли только *один раз*.
2. А.Г. утверждал, что он участвовал в событиях обвинений №2 и №5, не обозначив при этом дату (только период между 03.07.98 и 31.10.98), но назвав место (наш дом в Эппинге) якобы произошедшего и 3-х очевидцев: Е.У., И.Зозулю и А. Колтакова. А.Г. показал, что я мастурбировал его, занимался с ним оральным сексом, а затем мастурбировал Е.У.
3. Е.У. заявил, что он участвовал только в событии обвинения №2, которое было обозначено другим периодом времени по сравнению с обозначенным А.Г.: 03.07.98 – 03.01.99, что я мастурбировал его в присутствии И. Зозули и А.Г. (он не помнил присутствия А.Колтакова), но безо всяких сомнений утверждал, что в это время между мной и А.Г. вообще не было сексуальных отношений. Другими словами, Е.У. отрицал свидетельство А.Г. о том, что он участвовал в событиях обвинения №5. (Несмотря на это обстоятельство, и прокуратура, и, - позже -, судья объединили эти два обвинения в одно событие).
4. И.Зозуля и А. Колтаков категорически отвергли все обвинения.

Выше приведённые факты вызывают много обоснованных вопросов.

1. Имела ли право прокуратура объединять обвинения №№2 и 5 в одно событие вопреки факту, что сама же прокуратура обозначила разные временные отрезки для каждого из них?
2. Если А.Г. идентифицировал время совершения предполагаемого преступления (обвинение №5) с присутствием Е.У., И.Зозули и А.Колтакова, а они (3 „очевидца“!) отрицают своё присутствие (решающими в данном случае являются показания „потерпевшего“ Е.У.), можно ли квалифицировать свидетельства А.Г. как правдивые?
3. Если 3 свидетеля подтверждают фактическую ложь А.Г. в отношении обвинения №5, можно ли считать его показания в отношении обвинения №2 надёжными, учитывая факт, что события обвинений №2 и №5 произошли только 1 раз?

Показательно, что жюри, после нескольких дней обсуждения, информировало судью о невозможности принять решение в связи с 8-ю обвинениями из 10 [два обвинения, видимо, не вызвавших сомнения, были №№2 и 5]. Судья была обязана после первого(!!!) сигнала жюри о невозможности принять решение, распустить их и назначить новое судебное слушание, как это делается во всех демократических странах. Она же, напротив, „надавила“ на жюри, фактически заставив их продолжать обсуждение до принятия обвинительного приговора.

Обвинение №3

1. Е.У. обвинил меня в оральном сексе, в котором якобы участвовали он, я и А.Г. Это произошло, по его словам, только *1 раз!*
2. А.Г. не дал подтверждающих это обвинение свидетельств.
3. Ни полиция, ни прокуратура не расследовали это серьезнейшее несоответствие. Они обвинили меня только в той части, которая была связана с Е.У., проигнорировав тот факт, что это обвинение абсолютно не соответствовало целостности его показаний; без свидетельств А.Г. оно не могло быть легитимным.

Особо следует сказать о действиях во время трайлов (судов) прокурора Присциллы Эдди и судей Лэйтэм и Хок. Для понимания их стратегии и тактики очень важно не „раствориться“ в десятках мелочей, в конечном счёте повлиявших на вердикт жюри, чтобы не оказаться в ситуации, когда, как у нас говорят, „за деревьями леса не увидеть“.

Для начала обозначим основные задачи, соответственно законодательству, стоящие перед прокурором и судьёй.

Задача №1: обеспечить справедливый суд. Что это значит? Важнейшими признаками такого суда являются принципы презумпции невиновности и непредвзятости. Из этих 2-х фундаментальных положений должны вытекать все без исключения процессы, происходящие в суде. В случае малейшего нарушения этих основополагающих постулатов, суд не может быть признан справедливым.

Задача №2: Прокурор должен *объективно* доказать вину подсудимого. То есть доказательства должны быть настолько весомы, что жюри не может прийти к выводу, иному, чем виновность подсудимого. Подсудимый при этом не должен ничего доказывать.

Задача №3: Судья должен проинформировать жюри о необходимости установления стандарта доказанности, без которого принятие обвинительного вердикта невозможно, т.к. *незаконно*.

Как со всем этим обстояло дело в сталинском СССР? Обратимся к „Архипелагу“...

„Тупая, глухая следственно-судебная туша тем и живёт, что она безгрешна. Эта туша тем и сильна, тем и уверена что никогда не пересматривает своих решений, что каждый судейный может рубить, как хочет, - и уверен, что никто его не подправит“.

Как это так – начать следствие и не обвинить? Значит, холостая работа следователя? Как это – нарсуду принять дело и не осудить? Значит, следователя подвести, а нарсуд работает вхолостую? Повысить процент брака в своей области? Да и просто неприятности своим судебным товарищам – зачем это? Однажды начатое, скажем, по доносу следствие, должно быть непременно закончено приговором, который пересмотреть невозможно“.

„Статья 111 – Следователь обязан выяснить обстоятельства, также и оправдывающие обвиняемого, также и смягчающие его вину“.

„Но я устанавливал Советскую Власть в Октябре!... Я трижды орденосец!... За это мы вас не судим! Что вы сделали хорошего, - это к делу не относится“.

„...истинное назначение людей и истинные ранги людям знают только Органы, остальным просто дают поиграть: какой-нибудь там Заслуженный деятель искусств или Герой социалистических полей, а дунь, и нет его“.

Совершенно очевидно, что сталинских прокуроров и судей не интересовали ни истина, ни справедливость. Они преследовали одну единственную цель: осудить человека, т.к. только обвинительный приговор мог оправдать, как существование, так и функционирование всей следственно-прокурорско-судейской системы. Если учесть, что эта адская машина не предусматривала института жюри, была абсолютно закрытой (за редким исключением) для представителей общественности и с лёгкостью осуждала людей на смерть, можно представить, какого масштаба геноцид был совершён Сталиным и его приспешниками против своего собственного народа. Счёт осуждённых и погибших от рук палачей шёл на миллионы. Человек, обвинённый в чём угодно, автоматически становился „врагом народа“. А так, как мощнейший пропагандистский арсенал средств массовой информации полностью и монопольно подчинялся коммунистическим лидерам, любой гражданин, попавший в „сети органов“, подвергался уничтожению, а всё без исключения населения (99,99%) – ежедневно и очень эффективному „промыванию мозгов“, в результате которого народ искренне верил в реальное существование своих внутренних „врагов“, и оказывал всяческую поддержку существующему режиму.

К счастью, австралийская юридическая система структурно значительно и несопоставимо отличается от сталинской. Человеку, обвинённому в каком-либо преступлении, могут предоставить бэйл (освобождение из под стражи под подписку о невыезде) на период до судебного процесса, право на адвоката (причём, если у вас нет средств, адвокатские услуги оплатит государство), возможность заранее ознакомиться со всеми без исключения материалами обвинения. В Австралии существует институт жюри, который многие считают проявлением истинного демократизма, а также, отменена смертная казнь. Словом, чисто формально любое посягательство на систему может быть расценено, как необоснованное и надуманное, не соответствующее существующему положению вещей. Однако, если мы более пристально всмотримся в *содержание*, скрывающееся за вполне благополучной демократической „упаковкой“ следственно-прокурорско-судебной машины современной Австралии в Новом Южном Уэльсе, будет не трудно обнаружить хорошо замаскированную общность многих её аспектов с советской юриспруденцией времён „отца всех народов“.

„Судьям“

*Вы властью уповаетесь судейской
В вершеньи судеб, разрушеньи жизней.
Извечный принцип – постулат житейский:
„Нет дыма без огня!“, - твердите с укоризной.*

*И в правоте своей непогрешимой
Не допускаете сомненья тени
В губительных решениях, что зрима
Сердцам, открытым совести – не лени.*

*Закон для вас, как лабиринт лазеек,
Где выход служит входом – всё двулико,
И стая мантий лицедеев, лицедеек
В том лабиринте правит многолико.*

*Все авторы и пьесы мира
В сравнение не идут с творимой вами
Траги-комедией, вы и Шекспира–
В ученики : Шекспиры сами!*

*Но пьесе жизни рано или поздно
Конец приходит, занавес смыкая.
И часто вслед актёрам бурей грозной,
Позорный свист звучит, не замолкая.*

Что же объединяет эти, на первый взгляд, несопоставимые системы?

1. Обе они невероятно *политизированы*. Любому громкому судебному процессу (процессы, связанные с сексом, - всегда громкие!) предшествует суд средств массовой информации с вынесением, как правило, обвинительного вердикта.
2. Вторая сходная черта – направленность всего процесса – следствие – суд, - *не на выявление истины, но, во что бы то ни стало, - на осуждение обвиняемого.*

Необходимо заметить, что у каждого участника этого процесса, именуемого правосудием, своя, строго определенная роль. Причём, правила, по которым он развивается - какими бы возмутительными они вам не казались, - абсолютно законны. Законны в том смысле, что под любое действие прессы, полиции, прокуратуры либо суда подведено юридическое обоснование. При этом, не важно, что, скажем, под европейской юрисдикцией подобные обоснования немыслимы и неприемлемы, т.к. нарушают элементарные права человека: австралийская конституция не имеет главы о правах, а две попытки включить её в основной закон, - в 1974 и в 1986 г.г.. успешно провалились. Лишь штат Виктория и Австралийская Столичная Территория опираются в законодательстве на эту главу. Почему, спросите вы, это произошло? Потому что австралийским политикам *невыгодно* соответствие уголовного, да и гражданского права международной Всеобщей декларации о правах человека, принятой мировым сообществом ещё в 1948 году. Как уже было сказано, ужесточение закона (порой доходящее до абсурда!) – самый лёгкий путь в борьбе за голоса избирателей. Значительно сложнее привести в соответствие с мировыми стандартами образование и культуру, отстающих в Австралии от многих стран тихоокеанского региона (Япония, Китай, Корея, Сингапур – далеко впереди!), не говоря о Европе, Канаде и США. Кроме того, чем больше заключённых, тем больше тюрем. Чем больше тюрем, тем больше рабочих мест, не требующих особой квалификации, а также - граждан, вообще не нуждающихся в работе. Таким образом, чем дольше сроки, тем ниже уровень безработицы. В Новом Южном Уэльсе за последнее десятилетие количество заключённых удвоилось. Каждые два года в штате строится новая тюрьма. Огромный процент заключённых, освобождающихся из тюрем, через 2 года возвращаются в них вновь, т.к. с одной стороны, там практически отсутствует реабилитация, а с другой, общество, однажды осуждённых, полностью отвергает. Если, скажем, по ТВ или радио называется фамилия человека, сидевшего в тюрьме, диктор непременно добавляет эпитет „опозоренный“. То есть, этому человеку навсегда отказывают в праве на нормальную жизнь, не считаясь ни с его заслугами, ни с его близкими, ни с тем, что он уже был наказан (порой без каких-либо оснований!) и отбыл свой срок. Многие жители

Нового Южного Уэльса вообще не хотят, чтобы осуждённые выходили из тюрем, либо, чтобы освобождались досрочно (в этом штате отменена система ремишн (отпущение), когда в связи с целым рядом обстоятельств, - первое осуждение, хорошее поведение и т.д. – срок значительно сокращается; здесь, как впрочем, и во всей Австралии, нет амнистии). Возможно, *тюрьмомания*, эта чисто австралийская черта, проистекает из далёкого прошлого жителей зелёного континента, - почти все из них (англо-саксонского происхождения) являются потомками осуждённых, сосланных из Англии в её колонию на далёкий остров, - основавших Австралию более двухсот лет назад. Современные австралийцы, как бы мстят за те жестокости, которым были подвергнуты их предки.

Итак, проследим за процессом „посадки“ человека в тюрьму от момента ареста и обвинения до вынесения обвинительного приговора.

На начальном этапе, как уже отмечалось, роль средств массовой информации чрезвычайно велика. Поскольку полиция и прокуратура знают, что независимо от того, есть у них доказательства или нет, суд всё равно состоится (в связи с сексуальными преступлениями, как уже говорилось, в Австралии, - в Новом Южном Уэльсе, - для обвинения достаточно иметь рапорт „потерпевшего“), они задолго и исподволь начинают психологически готовить потенциальное жюри, создавая „образ виновного“. В моём случае, все ведущие газеты и каналы ТВ сообщили мою фамилию, показали моё фото, видео нашего дома, нашей машины, института, где я работал. „Органы“ организовали „утечку“ омерзительных деталей обвинений. В центральных газетах появилось несколько достаточно больших статей с указанием количества „жертв“, их возраста. Множество непроверенных, недоказанных, но компрометирующих меня фактов, были помещены в интернете. Таким образом, к моменту судебного процесса, те члены жюри, кто хотел удовлетворить своё любопытство в отношении моего дела, без труда могли это осуществить на основе материалов масс-медиа. Направленность статей и репортажей газет, радио и ТВ в Новом Южном Уэльсе носила и носит исключительно истерический характер. В них нет абсолютно никакой объективности либо связи с презумпцией невиновности. Человека, обвинённого, изначально уничтожают. С удовольствием и пристрастием. В результате, задолго до суда людей увольняют с работы, спортсменам не разрешают продолжать выступления, несмотря на то, что ещё никто не доказал виновность этих граждан. Администрация института, где я работал, „держалась“ полгода. Мои боссы и сами не верили в обвинения, и опирались на колоссальную поддержку моих многочисленных учеников, их родителей, коллег. Но в конце концов, когда давление началось со стороны правительства (на правительство мог „надавить“ только некто, пользующийся реальным влиянием!), меня заставили...уйти в отпуск. Я оставил институт, но продолжал учить всех моих студентов у нас дома.

В ситуации со средствами массовой информации меня поразили тот факт, что никто из них не проявлял внимание ко мне, когда я представлял эту страну в Японии, Корее, США, Европе на конкурсах, конференциях, в документальных фильмах и ТВ программах, создавая за рубежом образ никому не известной фортепианно-педагогической школы Австралии. Никто из австралийских журналистов никогда не спрашивал, как мне удалось подготовить студентов, получивших призы в Европе, Японии и США на самых престижных международных конкурсах, что собой представляет моя методика (первая и последняя позитивная статья обо мне появилась в Сидней Морнинг Хэралд за 1 месяц до моего ареста!) ([см. прил. №12](#)). Масс-медиа по-

настоящему заинтересовались мною только , когда появилась реальная возможность меня уничтожить. И, надо сказать, они в этом преуспели.

„Пристанище моё единственное“

1

*Пристанище моё единственное,
Преставился бы уже:
Безумна толпа воинственная,
Охоча до неглиже.*

2

*Пьянит её запах постельного
Нестиранного белья.
Особо смакует – нательное
Газетная нечисть-тля.*

4

*Гордятся народовластием
Дерьмовые демократы,
Нанюхавшиеся всласть, и тем
И счастливы, и богаты.*

6

*Ату их – за это, ату их – за то,
Мы знаем, как жизнь обустроить.
К собачьим чертям тех, историю кто
Советует лучше усвоить.*

8

*„Забота“ о детях, калеках, семье,
О школе, о старых, несчастных.
Но только печётесь вы все о - себе,
О власти желании страстном.*

10

*Не знать бы вас во веки-веков
И в жизни – не видеть, не слышать.
Да, жаль, не разрушить гражданских оков,
И тех, кто оковы те „пишет“.*

3

*Ни дня без дерьма не дышится,
Прекрасна дерьма стихия
Для тех, кто гордится-пыжится
Дерьмовою терапией.*

5

*Позируют томно у камеры,
Играя в „счастливого парня“,
А сердце – безжалостно-каменно;
Любого отправят на псарню.*

7

*Мы – сами история, сами – закон
Напишем, дополним, изменим.
А вы – голосуйте...во сне, Этот сон
для вас обеспечить не лень нам.*

9

*Забыли о заповедях Христа,
Добром не кичиться явно,
И все, как один, кто у власти встал,
Поёте себе „Осанну!“*

11

*Поэтому свой выбираю путь, -
Затворнический, таинственный.
Благословенной тюрьмою будь,
Пристанище моё единственное.*

Факт, что полиция и прокуратура не может обойтись без внимания прессы, на примере моего дела доказывает обстоятельство отмены судебного приказа, запрещающего печатать любые материалы дела, в период между 1-м (с Л.О.), 2-м (с А.Е.) и 3-м (с А.Г. и Е.У.) судебными процессами.

Замечу, что моё дело было разделено на несколько трайлов (судов). Сделано это было, на первый взгляд , с целью обеспечить справедливость суда. Ведь если несколько жюри рассматривают дела, связанные с каждым отдельным „потерпевшим“, не зная остальных, они как бы должны быть более объективны в вынесении приговора , т.к. на них не „давит“ количество обвинителей. Когда принималось решение по разделению, я, по своей наивности, так и думал. Однако, в реальности всё обернулось прямо противоположным образом.

Статьи, появившиеся до 1-го процесса, как я уже сказал, были помещены в интернете. А судья Лэйтэм ненавязчиво сообщила жюри, что какое-то время назад в

прессе были материалы, касательно дела, и она предупреждает о недопустимости интереса к этим материалам, включая их электронную версию (интернет!). Можно предположить реакцию членов жюри, с их естественным человеческим любопытством относительно „запретного плода“! С трудом верится, что судья Лэйтэм не догадывалась о возможности такой реакции!

За три месяца до начала 2-го трайла, крупнейшая газета „Сидней Морнинг Хэральд“ возбудила иск об отмене приказа на не публикацию материалов моего дела (в зале суда в это время „случайно“ присутствовали представители прокуратуры, готовившие 2-й и 3-й процессы!) и выиграла этот иск. На следующий день в газете появилась большая статья о 1-м (с Л.О.) трайле, которую тут же разместили в интернете.

Когда перед началом 2-го и 3-го судебных процессов адвокат защиты обратился к судье с просьбой не начинать заседания до тех пор, пока он не войдёт с ходатайством в Верховный Суд штата об изъятии всех статей из интернета, судья Хок ему в этом отказала, мотивируя своё решение тем, что статей, видите ли, не так много (как будто в количестве сущ!).

Таким образом, разделение дела на несколько трайлов играло на руку не защите, а обвинению, потому что цена такого разделения (ведь разделения, по сути, не было, т.к. жюри через интернет всё равно могли ознакомиться со всеми деталями обвинений и узнать обо всех „потерпевших») была очень высокой: защита не могла представлять мой „характер“, то есть всё то позитивное, - достижения, награды, международный статус, отзывы и свидетельства сотен людей и т.д., - что было моей самой сильной „картой“(если бы представила, прокурор позвала бы в суд остальных „потерпевших“ давать показания о домогательствах). В результате, жюри, фактически, не имело понятия о том, кого они судят. Перед ними был обычный учитель фортепиано, который с 12-летнего возраста растлевал своих учеников. Для Австралии – вполне ординарный образ.

„Жюри присяжных“

*Двенадцать, случайно забредших
В чужую судьбу по повестке,
С работы в охотку ушедших
На лобном работать на месте.*

*В серьёзность намерений верят
Посланцы кофеен и пабов,
Размера не ведая, меряют
Рубаху на вырост – и рады.*

*Уверены в миссии высшей.
Возложенной обществом равных,
Где „выше“ считается лишним,
Пороком средь страшных самых.*

*Нет бремени мук на лицах,
Сомнений, терзаний, неверий.
Как дети былых инквизиций,
Творят они суд за дверью.*

*Глаза их не видят предательств,
Сердца – закрыты для сути.
Не требуют доказательств
„Крикетно-регбийные судьи“.*

*Как страшно, когда в „законе“
Закон беспредельно-фальшивый,
В кривом зазеркалье словно,
Где все отражения – лживы.*

Роль полиции и прокуратуры в моём деле была сведена к опросу „потерпевших“ и всех тех, кто был в Австралии к „потерпевшим“ близок, а также сбору различного рода слухов, которые „вдруг“ у этих „близких“ возникли. Ни полицию, ни прокуратуру вообще не интересовали чудовищные несоответствия в показаниях (да, да, не просто мелкие, а совершенно невероятные!), особенно, в отношении временного фактора и множества документальных, видео и масс-медиа свидетельств. По каким-то неизвестным мне причинам „органы“ игнорировали всё то, что хоть как-то компрометировало обвинения. Никто из моего окружения и тех людей, которые могли свидетельствовать о том же временном факторе (в деле Л.О., как было показано выше, он был очень важен), допрошен не был. По настоянию моего адвоката, я отказался участвовать в интервью полиции. Но полиция даже не пыталась поговорить с моей женой, дочерью, зятем - ведь в течение долгого времени мы жили в Австралии 8-м под одной крышей! Был допрошен только И.Зозуля (украинский студент, отказавшийся участвовать в заговоре), но когда он не захотел фабриковать обвинения (его уговаривали, сказали, что больше у него такой возможности не будет, - ни возможности ли получения \$45 000 компенсации?!) следователи заявили, что не верят ему. Всё, что касалось не Австралии, - Украины, Италии, Израиля, - вообще было воспринято на слово, на веру, а доказательства, представленные защитой и свидетельствующие о фабрикации показаний „потерпевших“, либо не допущены к рассмотрению, либо – извращены. Полиция дошла до того, что в одном случае изменила место предполагаемого преступления (случай неслыханный!), т.к. обозначенное А.Г., - он показал на *закрытую* дверь класса, где якобы происходили домогательства (помните ситуацию, когда Л.О. указал место, где якобы лежали CD на фото *закрытого* шкафа?), - не соответствовало его же описанию комнаты изнутри: следователи „подобрали“ подходящую комнату! Суд проигнорировал то, что этот факт был доказан защитой с помощью свидетеля, показавшего, что изначально полиция интересовалась другой комнатой в Австралийском Институте Музыки, на которую указал А.Г. как на место преступления, не той, в которой впоследствии была сделана видеозапись для суда, и которая соответствовала описанию, данному А.Г. в его полицейском стэйтменте задолго до осмотра полицией институтских аудиторий.

Один из друзей А.Г. показал в стэйтменте, что А.Г., якобы сказал ему, что все домогательства закончились в Украине, в Австралии - ничего не происходило (а мне ведь предъявили в связи с А.Г. 6 „австралийских“ обвинений). Мой адвокат, естественно „поинтересовался“ у А.Г. этим фактом (прокуратура срочно „организовала“ „отсутствие“ свидетеля – друга А.Г.!). Инструктаж, полученный А.Г. был незатейлив: он сказал, что соврал другу, т.к. постеснялся (???) сказать правду.

Прокурор и судья 1-го трайла несколько раз дезинформировали жюри, извращая свидетельства, представленные в суде ([см. прил. №13](#)), с целью поддержать обвинения. Приведу два примера.

В связи с процессом, где „ потерпевшим“ был Л.О., один из свидетелей, - родитель моего совсем юного студента, - показал, что уроки его сына по понедельникам проходили после уроков Л.О., и они с сыном всегда приезжали на 10 – 20 минут раньше и наблюдали окончания занятий. Это свидетельство опровергало показания Л.О., утверждавшего, - как было сказано выше, - что последние 15 минут уроков он проводил на 2 - м этаже дома: смотрел порно, был вовлечен в секс. Судья, обращаясь к жюри, добавила к показаниям родителя одну „маленькую“ деталь, полностью обесценившую это свидетельство. Она сказала, что иногда он (родитель) приезжал раньше, а иногда – *позже*. С её стороны это было не только ошибочно (свидетель не давал таких показаний), но ещё и...смешно, т.к. все люди, знакомые с моей работой, хорошо знают, что на мои уроки никто никогда не опаздывает. Лишь жюри и судье Лэйтэм, к сожалению это не было известно.

Второй пример. Прокурор, для того, чтобы скомпрометировать показания моей жены, извратила важную информацию одного из свидетелей защиты. Время уроков этого свидетеля было с 17.00 до 18.00. Время уроков Л.О. – с 15.00 до 16.00, либо с 16.00 до 17.00. Моя жена начинала работать с 17.00 на 1-м этаже. До 17.00 она находилась на 2-м этаже дома. Этим опровергались все показания Л.О., т.к. он утверждал, что во время сексуальных домогательств (каждый понедельник в течение 10 месяцев!) моей жены на 2-м этаже не было. Свидетель показал, что однажды, когда он поднялся со мной на 2-й этаж (речь шла о том, что он видел Л.О., самостоятельно оперирующим компьютером в моем кабинете), он не встретил там мою жену. Прокурор, обращаясь к жюри, заявила, что соответственно этой информации, моя жена не всегда во время уроков Л.О. находилась на 2-м этаже. Она лишь „случайно“ умолчала, что этот свидетель мог *не* встретить мою жену только с 17.00 до 18.00 (время его урока!), т.к. ее там уже не было: она работала в своей студии, а Л.О., после своего урока, который закончился в 17.00, в одиночестве ждал своего отца, „роясь“ в „паутине“.

Однако, все детали, описанные выше, меркнут по сравнению с тем, как судьи, - и особенно судья Лэйтэм (1-й трайл с Л.О.), - несмотря на их обязанность быть непредвзятыми и влиять на жюри только комментируя и разъясняя все то, что связано с законом, а не с фактами, - способствовали принятию обвинительного приговора.

В конце каждого из 3-х судебных процессов три жюри совершенно определенно выразили имеющиеся у них сомнения в отношении оценки правдивости представленной обвинением информации. И каждый раз судьи воздействовали на жюри с целью преодоления теми сомнений. Имели ли судьи право на это? Нет, не имели! Не имели с точки зрения *международного* права, которое не на словах, а на деле следует принципам презумпции невиновности подсудимого и непредвзятости суда. С точки же зрения законов Нового Южного Уэльса (во всяком случае, в связи с моим делом) – это вполне привычная практика: не разъяснять жюри, что значит стандарт доказанности вины и как его установить; допускать вынесение обвинительного вердикта без установления этого стандарта; но самое главное, влиять на сомнения жюри.

Жюри 1-го трайла за 2 часа до объявления приговора обратилось с просьбой к судье Лэйтэм дать объективное и независимое определение понятия „вне всяких сомнений“. Ответ был следующий: „Такого определения нет. Это просто три слова, существующие сотни лет. Это ваша субъективная оценка обстоятельств, представленных на процессе и их связи с принятием решения вне всяких сомнений“. Между тем, Австралийский словарь уголовного права недвусмысленно дает

объективное и независимое определение „вне всяких сомнений“ и ни слова не говорит о „субъективной“ оценке. Наоборот, определение звучит так: „Вне всяких сомнений является стандартом доказанности (Стандарт доказанности – вне всяких сомнений!) Стандарт доказанности – *объективная мера* доказанности существования либо несуществования определенных фактов, представленных суду.“ [Согласно определению оксфордского словаря, понятие „объективный“ значит – не находящийся под влиянием личных чувств или мнений].

На практике эта *объективная мера* доказанности дорогого стоит, потому что, именно эта мера рождает либо уверенность, либо сомнения. Согласно закону, при малейшем сомнении жюри не имеет право принимать обвинительный вердикт. Однако если судья говорит жюри: „Забудьте об объективности (Это ваша субъективная оценка!), используйте свой личный опыт, свою интуицию, знание жизни, чувство гражданского долга“. Если слова „стандарт доказанности“ вообще не произносятся судьей, о какой непредвзятости может идти речь?

Я уже писал о том, как судья Хок, отвечая на вопрос о профессиональных экспертах, ввела жюри в заблуждение, утверждая, что область музыкального исполнительства в состоянии стресса невозможно экзаменовать, а также о том, какое давление она оказала на жюри последнего трайла, когда 8 из 10 обвинений „повисли“ без вердикта. Эти действия никак не назовешь проявлением непредвзятости.

Еще примеры. Судья Лэйтэм, разделив дело на несколько процессов, разрешила 3-м украинским студентам, о которых жюри 1-го трайла не должно было знать, дать показания о моем, так называемом, „признании“ вины в отношении Л.О. Причем, судья Лэйтэм, разделяя дело, допускала стговор украинцев (фактически, это было причиной разделения!) Почему же, спрашивается, показания о „признании“ не могли быть частью стговора? И о чем должно было думать жюри, увидев 3-х студентов, приехавших со мной в Австралию, 4 года живших в нашем доме и, при этом, свидетельствующих против меня? Чего после этого стоило разделение, и о какой еще более открытой поддержке мог мечтать „потерпевший“ Л.О.?

Она же (судья Лэйтэм) не только опустила в своем обращении к жюри все доказанные факты лжи Л.О., не сказав, что единожды (!) солгавшему нельзя верить „вне всяких сомнений“, не только оправдала все эти факты специальными комментариями, приведенными мною выше, она еще и обвинила меня в том, что я не представил суду журнал моей частной практики (я такого журнала испокон века не вел!), и поэтому трудно определить, когда именно (числа) проходили уроки Л.О. И это при том, что согласно показаниям Л.О., его уроки проходили у нас дома в определенные дни и время (в связи с обвинениями, речь шла, как отмечалось выше, о 40 понедельниках в 2003 году и понедельниках 2002 года), что прокуратура даже не пыталась определить даты (по ее версии, все обвинения были связаны со всеми уроками, то есть могли иметь место когда угодно!), что я был не обязан вообще ничего доказывать и предьявлять, - бремя доказательств полностью лежало на прокуратуре!

3. Третья похожесть в подходах советской и австралийской юриспруденции связана с *недопустимостью пересмотра дела*. Хотя в Новом Южном Уэльсе и существует Верховный Апелляционный суд (в СССР такой суд также всегда существовал!), выиграть в нем дело, - даже при наличии доказательств вашей невиновности, - большая удача, т.к. этот суд, как и городской, не интересуется истина. Этот суд специализируется только на формальных процессуальных ошибках судей, а если у вас с момента вынесения приговора появились новые свидетельства лжи „потерпевших“, их никто не рассматривает и рассматривать не будет. Как говорят в России: „Поезд ушел!“ И это закреплено законом.

Таким образом, политизированность юридической системы, ее направленность не на выявление истины, но на осуждение обвиняемого и, в последствии, невозможность пересмотра решения суда, роднят „органы“ Нового Южного Уэльса с „органами“ СССР сталинского времени. И если в СССР человек, попавший в капкан „системы“, был обречен либо на смерть, либо на длительный срок в лагере, то в Австралии 21 века такой человек фактически обречен на моральную смерть, т.к. после тюрьмы лишается будущего как личность и гражданин, что, впрочем вполне соответствует традиции, успешно установленной в Новом Южном Уэльсе англичанами еще в 20-х годах 19-го столетия, после смещения генерал-губернатора штата, Маквори, защищавшего интересы бывших заключенных, отстаившего их право на новую жизнь.

Однако, было бы большой ошибкой думать, что главными уроками А. И. Солженицына для меня прежде всего стали те схожие ситуации, связанные с уголовным делом, следствием, судом, которые Александр Исаевич описал в „Архипелаге“. Мол, все это уже было. Неважно где, - в России ли, в Австралии, - не следует обольщаться человеческой природой: она повсюду - одинакова. И если это вас утешит, то примите на веру, что предательство и подлость, - по сути, - интернациональны, а к полиции, прокурорам и судьям во всех странах приблизительно одинаковое отношение.

Нет, не эта схожесть заворожила меня. Но та, что связана с началом удивительно мощной духовной жизни человека, оказавшегося за решеткой, жизни, перед которой меркнет все, случившееся ранее.

„Дала нам решетка новую меру вещей и людей. Сняла с наших глаз ту будничную замазку, которой постоянно залеплены глаза ничем не потрясенного человека.“

Прежде всего, вы понимаете, что потеряв свободу, вы потеряли не что-то абстрактное, или, скажем, пустячно-обыденное, хотя таких пустяков бесчисленное множество, - к примеру, выпить чашечку хорошего, ароматного кофе, надеть ваш любимый галстук, либо проехаться на машине по приглянувшейся цветами или деревьями улице: я, в октябре, никогда не мог себе отказать в удовольствии заехать на одну из улиц, где цветут джакоранды, покрывая асфальт сиренево-нежным ковром осыпавшихся цветов, - но настолько важное и главное для вас, что вы вряд ли сможете жить без этого. Причем, раньше, в той прошлой, свободной жизни, когда вы думали, что все делаете правильно, что ваши приоритеты и ценности незыблемы, а достижения есть подтверждение ваших неоспоримых жизненных принципов, вам и в голову не приходило, что вы счастливы только и *единственно* потому, что рядом с вами есть некто, кого вам в дар послал Бог, как великую благодать. И вдруг, в один день, вы лишились всего, без чего, вам казалось, вы не смогли бы жить: любимой работы, признания, славы, поездок за границу, успеха, массы начинаний. Но оказалось, что без всего этого и еще тысячи других вещей можно прекрасно обходиться, тем более, что есть возможность много читать и слушать по радио классическую музыку. Только *ее* нет рядом с вами. Любимых глаз, волос, рук, голоса, дыхания... И вы бессильны перед этой тоской. Вы все явственнее сознаете, что *она* – это и есть главное на этой земле, ради чего вы должны были бы жить и благодарить Бога за милость, что Он послал *ее* вам. Но вы прожили с этой женщиной, - вашей женой, - 30 лет, и вам было необходимо попасть в тюрьму, чтобы осознать, *что* она есть для вас, ощутить, какой безысходной любовью вы ее любите, желать в пустоте камеры ежесекундно ее присутствия...

„Еще вчера“

*Еще вчера - на свадьбе целовал
Стеснительно, неопытно, несмело...
Сегодня – тридцать лет уж пролетело,
Когда б я знал...*

*Что самые заветные мгновенья
Любви твоей есть смысл бытия,
Я б не растратил жизнь впустую, зря,
Когда бы Бог послал знаменье,*

*Мне объяснившее никчемность суеты,
Бесмысленность известности и славы,
И суций смысл сердец конклава,
Когда бы я, не ты...*

„Стаи снежинок...“

*Стаи снежинок спускаются с выси,
Кроткою нежностью землю лаская.
Гребни сосуллек на крышах повисли,
Дивными формами взор увлекая.*

*Стаи ворон – на ветвях, в недвиженьи,
Россыпь рябины: горошек на белом,
Ветра не слышно, - застыл в изумлении, -
Изредка веет дыханьем несмело.*

*Мы молчаливо бредем по аллее,
Так очарованы зимнею негой,
Словно звучанием музыки Леля
В сказочном сне медитации снега.*

*Ты улыбаешься щедрой природе,
Ликом решимости в ней раствориться
И благодарностью неба нисходят
Хлопья снежинок к тебе на ресницы.*

*Я не решаюсь нарушить молчанье,
Вымолвить слово – попытки напрасны,
Сердце стучит, повторяя отчаянно:
„Как ты прекрасна! О, как ты прекрасна!“*

*Мне ностальгией страданья неведомы,
Только мечтаю я в тайне, как прежде,
Тихой аллеей зимой заповедною
Вместе с тобою пройти по заснежью.*

„Я слышу твоё дыхание...“

*Я слышу твоё дыхание
Сквозь ночь и мерность прибой,
В шептаны молитвы тайной –
Желание: быть с тобою.*

*Касаньем ресниц губами,
Томленьем мучительным плоти,
Забывшими счастья слезами,
И нежностью – птицей на взлете.*

*Рассветом – лениво-блаженным,
Закатом – тревогой ранимым,
Молчанием, стихосложением,
И трепетом, сердцем хранимым.*

*Ты дремлешь и нега покоя
Окутывает мирозданье,
Сквозь ночь и мерность прибой
Я слышу твоё дыхание.*

Следующие слова А. И. Солженицына я в полной мере отношу к себе:

„Оглядываясь, я увидел, как всю сознательную жизнь не понимал ни себя самого, ни своих стремлений. Мне долго мнилось благом то, что было для меня губительно, и я все порывался в сторону, противоположную той, которая была мне истинно – нужна“.

Еще одну мудрость открыла мне тюрьма, а Солженицын выразил ее в „Архипелаге“:

„... я убедился, что никакая кара в этой земной жизни не приходит к нам незаслуженно. По видимости, она может прийти не за то, в чем мы на самом деле виноваты. Но если перебрать жизнь и вдуматься глубоко, мы всегда отыщем то наше преступление, за которое теперь нас настиг удар“.

В моей прошлой, вольной жизни я всегда казался себе человеком добрым, т. к. помог в жизни очень многим людям. Окружающие обычно характеризовали меня, как человека правильного, хотя, из-за чрезмерной требовательности, нелегкого, а также называли „борцом за справедливость“, видимо, имея в виду мою способность не отмалчиваться. Но я никогда прежде не задумывался, что мои „бойцовско – волевые“ качества всю мою сознательную жизнь я применял, фактически, вопреки естественному течению вещей и событий, пытаюсь *изменить* возникающие в жизни ситуации в сторону, как мне казалось, единственно правильную.

Особенно часто это происходило в моей профессиональной работе. Я мог „вылепить“ из ученика, не обладающего по-настоящему ярким природным дарованием,

не тянущегося к знаниям, не живущего постоянным интересом к духовному, не проявляющим внутренней потребности к впитыванию произведений искусства и литературы, саморазвитию, звезду, о которой начинали говорить, писать, как о неординарном и многообещающем артисте.

Это стоило невероятных усилий, многочасовой ежедневной и многолетней изнуряющей работы, приносило удовлетворение, - все же публика получала удовольствие, когда совсем юные пианисты с легкостью справлялись с труднейшими виртуозными сочинениями мировой классики, при этом энергетически мощно воздействуя на аудиторию, - но это было неестественно, это было против природы, а главное - против Бога! Я не имел никакого морального права вносить свои „коррективы“ в то, что создано Всевышним. Развивать детей и „тащить их за волосы“ к успеху – это не одно и то же.

Не могу сказать, что моей целью было собственное прославление. Известность ко мне пришла как результат моей работы. Но в то же время, я буду неискренним, если заявлю, что слава меня вообще не волновала.

Студенты, благодаря которым я оказался в тюрьме, особенно трое украинских студентов, обучавшихся у меня 12 – 14 лет, весь этот процесс „лепки“ испытали на своей „шкуре“.

Да, в результате, все они достигли международного профессионального уровня и продолжают развивать блестящие карьеры концертных исполнителей. Однако, они не стали интеллигентными людьми, - а значит и музыкантами в широком смысле этого слова, – от них не исходят флюиды личностей. Возможно, они этого еще не понимают, но рано или поздно сознание этой беды их настигнет. И во всем этом – моя большая вина. Потому что, моя профессионально- человеческая гордыня осмелилась посягнуть на то, что было сотворено Господом.

А. И. Солженицын высказал очень точную мысль о том, кто есть интеллигент:

„Интеллигент – это тот, чьи интересы и воля к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не понуждаемы внешними обстоятельствами и даже вопреки им“.

Моя гордыня была тем самым „внешним обстоятельством“, которое вопреки обстоятельствам небесно-объективным, понуждало моих учеников, именно, понуждало становиться интеллигентами на какое-то время, что, безусловно, является полным абсурдом.

Победы на самых престижных международных конкурсах и даже сотни успешных концертов ничего общего не имеют с „настойчивым и постоянным интересом и волей к духовной стороне жизни“.

Пути Господни, как известно, неисповедимы, однако, если предположить, что Бог избрал инструментом наказания моей гордыни предательство людей, которых я изо всех сил старался „тащить“, как мне казалось, вверх, и тем самым противодействовал Божественной воле, то по масштабу этого урока, - философскому, этическому, да, и просто, жизненному, - должно судить о могуществе и мудрости Всевышнего.

„ Все возвращается с лихвою ... „

*Все возвращается с лихвою:
Означный час пробьет – плати
Судьбою, ямой долговою,
В Аида царство на пути.*

*В сим направленьи неизменном,
Движеньем роковым влеком,
Уравновесив жизнью брэнной
Желаний вечных бурелом,*

*Склоняю голову в смиреньи
Пред кредитором бытия,
Счета несчитанных мгновений
Мне предъявляет, не тая.*

*Гордыня, похоть, отреченья,
Жестокость, безразличье, блуд;
И сквернословьем увлеченье,
И ближних легковерный суд;*

*Забывчивость и невниманье,
Карьеры суета, успех;
Обиды матери, страданья
Любимой женичины – за всех.*

*„ Прости!“ – в отчаянии вою.
В ответ: „ И ты меня прости!
Все возвращается с лихвою,
Означный час пробил – плати!“*

Как уже отмечалось, одним из порождений страха в СССР было „стукачество“, ставшее общественным явлением. В свою очередь, „стукачество“ проявлялось в предательстве, когда люди были готовы мать родную продать.

Поразительны строки А. И. Солженицына о предательстве и неблагодарности Миши Иванова, где писатель называет предательство „раком души“:

„ Рак души развивается скрытно и поражает, именно, ту ее часть, где ждешь благодарности. Федор Перегуд вспоил и вскормил Мишу Иванова: ему негде было работать – он устроил его на тамбовском вагоноремонтном заводе и обучил делу; ему жить было негде – он поселил его у себя, как родного. И Михаил Дмитриевич Иванов подает заявление в НКВД, что Федор Перегуд за домашним столом хвалил немецкую технику...“.

„ Пришли брать Перегуда – прихватили в тюрьму 14 -летнюю дочь – и все это на счету М. Д. Иванова. На суд он пришел черный: значит гниющая душа проступает иногда на лице. Но скоро бросил завод, стал открыто служить в ГБ, потом, за бездарностью был спущен в пожарную охрану. В растленном обществе неблагодарность – будничное, расхожее чувство, ему и не удивляются почти“.

Е. У.

Е. У. в 10-летнем возрасте приехал учиться в Харьковскую среднюю специальную музыкальную школу-интернат из небольшого донбасского городка Горловка. В класс я его взял не потому, что он обладал какими-то необыкновенными способностями, а

потому, что коллега по школе попросил, хотя должен заметить, что я не помню ни одного случая в моей педагогической практике, когда я кому бы-то ни было отказал в обучении. Возможно, в это трудно поверить, может быть, это было моей ошибкой, но тем не менее, это так. Через несколько лет Е.У. стал дипломантом двух международных конкурсов: в Сенегалии (Италия) и Киеве (Украина) - конкурс юных пианистов памяти В. Горовица. Последний – один из самых трудных соревнований для молодежи, т. к. имеет три полноценных тура, включая финальное выступление с оркестром.

В 1998 году, до нашей эмиграции в Австралию, Е.У исполнилось 16 лет. Мое предложение о переезде в Сидней и жизни в нашей семье, сделанное еще в 1997 г., он воспринял с нескрываемым восторгом (как, впрочем, и четыре остальных студента). После 6 лет обучения на Украине у нас сложились очень теплые, дружеские отношения с Е.У. , и его родителями. Может быть, потому, что несмотря на мои очень жесткие профессиональные требования и бескомпромисность, я любил Е.У., заботился о нем (в Харькове он жил в интернате, без родителей), помогал, а частенько и „спасал“, т.к. порой его „художества“ становились предметом обсуждения школьной администрации. В Австралии у нас не было спонсоров. Родители Е. У., естественно, не могли помочь ни центом. К тому же, они должны были заботиться о тяжело больном брате Е. У.

В 2000 г. Е. У. стал бронзовым призером Сиднейского Международного конкурса пианистов. Впервые австралийский студент, обучавшийся не за рубежом, получил столь высокую награду. Е.У. много выступал, играя соло и с оркестром.

У него были концерты в Австралии, Германии, США.

В 2002 г. Е.У. исполнилось 20 лет. Вместе с еще тремя студентами он снял отдельную квартиру и начал самостоятельную жизнь, хотя в нашем доме бывал несколько раз на неделе. Годом раньше он, вместе с остальными украинскими студентами и моей дочерью, стал работать моим ассистентом в институте и вести довольно обширную частную практику. Е.У., как и остальные „ украинцы“, сначала получил вид на жительство, а затем – австралийское гражданство. Я собрал для всех них необходимые документы, рекомендации известных музыкантов. Личная жизнь Е. У. была довольно бурной и на Украине, и в Австралии. Мы с женой, честно говоря, потеряли счет его пассиям.

За три недели до моего ареста, 30.01.2004, Е.У. попал в велосипедно - автомобильную аварию. Он сломал ключицу и повредил ногу. Дежурный врач госпиталя сообщил мне об этом (Е.У. дал тому мой телефон). Мы с женой тут же примчались и предложили Е.У. пожить у нас, пока он не поправится. Предложение было принято: несмотря на то, что в это время Е. У. жил в шикарной квартире с двумя польскими студентами, приехавшими учиться ко мне из Варшавской музыкальной академии им. Ф. Шопена, он отлично понимал, что никто лучше нас за ним ухаживать не будет, тем более, что по-началу, из-за боли в ключице, Е. У. практически не мог двигаться...

18.02.2004, когда я вернулся после ареста из полиции, Е. У. еще жил у нас. У него этим вечером были частные ученики. В 21.00 он вдруг сообщил нам, что хочет переехать на свою квартиру, т.к. чувствует себя вполне здоровым. Мы собрали Е.У. продукты и отвезли его домой. Расставание было очень теплым. Е.У. со словами благодарности поцеловал жену, обнял меня... А через час после нашего отъезда пошел в полицию. В числе прочего, он сообщил полицейским, что 2 дня назад убежал из своей квартиры, т.к. боится меня (поразительно, но 12 часами ранее, - утром того же дня, - присутствуя при обыске в нашем доме, Е.У., в качестве понятого, расписался в полицейском протоколе!), и попросил сделать специальный приказ, запрещающий мне к нему приближаться и с ним общаться (даже через 3-х лиц!). Позже, каждый раз, когда я проходил в институте мимо Е.У., он записывал по минутам время моего появления и

сообщал об этом своему адвокату. Смысл этих записей и рапортов заключался в надежде, что меня, в случае нарушения приказа о неприближении, посадят в тюрьму до суда (мне обо всем этом доподлинно известно из официального, угрожающего письма его адвоката).

В полицейском стэйтменте Е.У. написал, что все, чему я его учил как профессионал, является дерьмом, не сказав ни единого слова о своих победах на конкурсах, концертной и преподавательской деятельности.

Е.У. также не сообщил полиции о своей реальной и очень серьезной проблеме, о гэмблинг. О том, что к моменту моего ареста он проиграл 25 тысяч долларов и имел огромные долги (позже, в соответствии с интервью психиатру, Е.У. вчистую проиграл еще 45 тысяч долларов его финансовой компенсации как „жертвы“ сексуальных домогательств).

О моей жене Е.У. отзывался как о человеке холодном, невнимательном, никогда не интересовавшимся его проблемами, не заботившимся о нем.

Я уже писал о том, как Е.У. показал, что я якобы спал в одной кровати с моим будущим зятем в общежитии Киевского музыкального училища. Он также сообщил, что будучи в Италии, я якобы мастурбировал его в присутствии моей дочери ...

А. Г.

Я начал учить А.Г. в 7 лет, с „нуля“. В 11 - он получил 4 - ю премию на конкурсе в Сенигалии (Италия), а в 12 – 2 -ю на конкурсе памяти В. Горовица. После этого у А. Г. были только 1- е премии. В 1999 он „побил“ А.Е.. Причем, У.Томсон, будучи членом жюри конкурса В.Горовица, проявил удивительную „принципиальность“. Он не мог допустить (вернее, не хотел!), чтобы А.Г. победил А.Е. (его фаворита), и предложил членам жюри изменить правила и дать две 1-е премии. А надо сказать, что на предыдущем конкурсе, в 1997 г., когда А. Г. получил 2-ю премию, а японская девочка Риса – 1- ю, у жюри была возможность изменить правила и дать японке Гранд – При, а А. Г. – 1 -ю, что и было предложено председателем жюри И. Карабицем. Членом жюри, кто категорически возразил против этого, был ... У. Томсон. В 1999г. Н. Карабиц напомнил У. Томсону эту ситуацию, и А. Е. пришлось довольствоваться 2-й премией (хотя это был также колоссальный успех, о котором многие пианисты и мечтать не могли!).

С этой победы в Киеве начался настоящий международный успех А.Г. Его заметили выдающиеся музыканты – члены жюри с мировым именем: А.Варди (Израиль) и Д. Ловенталь (США). И в 2000 г. на престижном конкурсе в Хамамацу (Япония), Варди и Ловенталь снова были в жюри, - А.Г. побил 78 участников, многие из которых впоследствии стали обладателями 1-х премий крупных мировых конкурсов. Председатель жюри Х. Накамура назвала А.Г. лучшим 16- летним пианистом конца 20-го столетия. А.Г. подписал свой первый контракт на концертный тур и на запись диска.

Отношения с А.Г. у меня были, как если бы он был моим сыном. Я никогда в нем не сомневался (не только искренне его любил, но, именно, не сомневался, верил ему), считал его исключительно порядочным человеком. Боролся с его дремучестью, нежеланием читать, вообще учиться чему-либо, кроме игры на рояле, но всегда чувствовал его понимание того, что все мое „давление“ является следствием желания

ему помочь. Особенно, нас сблизил его концертный тур в 2001 году по Японии, Китаю, Тайваню, Корее, - когда я сопровождал А.Г. 1,5 месяца, а он сыграл 21 концерт, - и запись 1-го диска, в горах, недалеко от Токио, которая длилась всего 3 дня, но включала труднейшие для записи пьесы, - в частности, „Вариации на тему Паганини“ И. Брамса и 2 - ю сонату С. Рахманинова. Во время тура случилось событие, о котором А. Г., как мне кажется, до сих пор не знает. У моей жены умерла мать на Украине. Она должна была ехать на похороны, но не могла без меня бросить семью. Жена дозвонилась до меня в Японию (разыскала через концертное агенство). Мы поговорили...Я не мог бросить А.Г. Ему было всего 16 лет, он бы сам эту бешеную нагрузку не выдержал, т.к. должен был каждый концерт играть на высшей точке успеха, а потом во-время ложиться спать, просыпаться, есть, быть обстиранным, наглаженным и т.д., не говоря о занятиях и репетициях. Я остался с А.Г., а жена – с детьми в Сиднее...

В середине 2002 года, за два дня до свадьбы нашей дочери, А.Г. вместе с И.Зозулей ночью поехали кататься на машине (без разрешения, конечно) и попали в страшную аварию. А.Г. чудом выжил. Его прооперировали. У врачей не было уверенности в успехе, но операция прошла нормально. Австралийский хирург Эрика Джекобсон спасла А.Г. Мы вызвали из Украины его мать. А.Г. поправлялся довольно быстро, а у меня началась гипертония. В течение нескольких месяцев я старался делать всё, чтобы вернуть А.Г, на сцену. И в конце-концов, в ноябре 2002 г. он исполнил в концерте моего класса „Мефисто-вальс“ Ф.Листа, а в апреле 2003 г. мы поехали в Японию, где он записал 2-й диск, с „Чаконой“ Баха-Бузони, „Сонатой по прочтении Данте“ Ф.Листа, 5-й Сонатой А.Скрябина и 7-й Сонатой С Прокофьева.

Моим последним профессиональным общением с А.Г. стала репетиция в Сидней Опера Хаус в конце декабря 2003 г. 18.02.04 А.Г., как и Е.У. и А.Е., попросил полицию оформить приказ, запрещающий мне к нему приближаться. В полицейском протоколе А.Г, ни словом не упомянул о своей профессиональной карьере. Сказал, что жизнь в нашем доме была для него сплошной мукой. Он также заявил, что сексуальные домогательства сделали его игру более зрелой, т.к. он много страдал.

В 2005 году (в это время я уже был в тюрьме) А.Г. выиграл конкурс А.Рубинштейна в Тель-Авиве (Израиль). Эта победа принесла ему мировую известность, открыв двери лучших концертных залов. По иронии судьбы, конкурсная программа А.Г. на 99% включала сочинения, пройденные им со мной. Ведущая израильская газета сообщила , что А.Г. выступил на моём судебном процессе как *свидетель защиты*.

Предательство А.Г. подкосило меня более всего. Я бережно хранил все его интервью с искренними, сердечными словами обо мне.Я дорожил нашей дружбой: и человеческой, и творческой. И даже сейчас, когда я перечитываю материал из корейского журнала „Пиано“и стенограмму передачи ABC „7.30 репорт“ (эта передача была сделана за 5 месяцев до заявления А.Г. в полицию), я не могу поверить, что А.Г. попросту врал. А может быть, не хочу верить. Всё же , лучше сохранить воспоминания о тех днях незамутнённые ложью.

Из интервью корейскому журналу „Пиано“, июнь, 2002 год

Вопрос: Вы учитесь у профессора Макарова долгое время. Мне кажется, Вы стали членом его семьи?

А.Г.: Профессор Макаров мне, как отец, а его жена – как мать. Я приехал в Австралию в 14 лет. Было нелегко, т.к. первый раз в жизни я был разлучён с родителями. Но сейчас я не чувствую трудностей. Жена профессора готовит такую же еду как моя мама в Украине. Она также поощряет меня к интенсивным занятиям. Профессор Макаров организовал для меня концерты в Украине, чтобы я мог видеться с моими родными. Я встречаюсь с родителями и младшей сестрой приблизительно 2 раза в год. Когда я получу от австралийского правительства вид на жительство, я хочу спонсировать мою 12-летнюю сестру приехать в Австралию. Она также играет на фортепиано. Я хотел бы, чтобы она также училась у профессора.

Профессор относится к нам очень тепло, как к своим детям. Когда он учит нас, он становится поэтом, художником, актёром, танцором и волшебником. В детстве он учился танцу, драме, рисованию, пению. Он всегда подчёркивает, что настоящее исполнение музыки включает воздействие других видов искусства.

В Австралии профессор очень занят, работая в институте. Поэтому мои уроки часто проходят после 22.00 В семье профессора живут 4 других студента из Украины, так что в доме не смолкает фортепиано. Жена профессора – тоже пианистка.

Вопрос: Учились ли Вы у кого-нибудь ещё?

А.Г.: Нет. Никогда, как и студенты, жившие в доме профессора до недавнего времени. Сейчас они снимают квартиру. Когда мне исполнится 18 лет, я присоединюсь к ним. Но я буду продолжать учиться у профессора. Я никогда не думал перейти к другому учителю.

Вопрос: Я думаю, профессор Макаров, возможно хотел бы, чтобы Вы брали уроки также у других педагогов?

А.Г.: Я думаю, что могу ещё многому научиться у профессора Макарова. До тех пор, пока он не станет настаивать, чтобы я учился у кого-нибудь другого, я буду продолжать учиться у него ([см. прил. №14](#)).

Из стенограммы передачи ABC „7.30 репорт“, 6 августа 2003 года ([см. прил. №15](#))

Ребекка Бэлли: А.Г. было 13*, когда он приехал в Австралию. Виктор Макаров стал не только его учителем и руководителем, но также – его отцом.

А.Г.: Конечно, я жил в его семье 4 года и то, что я взял от него, - не только в музыке, но и в жизни в целом, а вы знаете, это так много, - помогает мне каждый день...

*А.Г. родился 19.08.84, а мы прилетели в Сидней 07.07.98

А. Е.

А.Е. учился у меня 14 лет: с 7 до 21. После конкурса Горовица, где в 1995 году А.Е. , будучи 12-летним , выиграл 1-ю премию, он стал настоящей звездой на Украине. Ни один правительственный концерт не обходился без его участия. О нём было создано множество ТВ передач, постоянно писали газеты. Во время визита Президента США Б.Клинтонна на Украину, А.Е. выступил перед ним и Хиллари Клинтон в Мариинском

дворце в Киеве. По окончании его игры, президентская чета аплодировала А.Е. стоя. Фото А.Е. с Б.Клинтоном в течение года находилось в овальном кабинете Белого дома в Вашингтоне. Во время гастрольного тура в Израиле и США А.Е. имел невероятный успех.

В Австралии, по-началу, у А.Е. всё складывалось вполне успешно. Будучи фаворитом у У.Томсона, он имел множество концертов, постоянно сопровождал У.Томсона на различных общественно-развлекательных мероприятиях. Однако, после проигрыша А.Е. в Киеве А.Г., что-то с А.Е. произошло. И даже переезд в наш дом, после полутора годичного тоталитарного контроля У.Томсона, не помог преодолеть А.Е. горечь его поражения в 1999 году более юному и обладающему мощнейшим талантом А.Г. А когда в 2000 г. А.Е. проиграл на Сиднейском международном конкурсе Е.У., не попав в финал, его начала „грызть“ зависть. А.Е. казалось, что всё дело во мне. Он считал, что я всё своё время и силы отдаю А.Г., а на него не обращаю внимание. Но ведь успешным на конкурсах был не только А.Г. И Е.У., и А.Колтаков, ставший финалистом конкурса Клиберна и получивший ангажемент в США, и моя дочь, которая вместе с А.Колтаковым выиграла 2-ю премию на конкурсе в Майами, добились результатов. Потому что „пахали“, как „проклятые“. В этом было их преимущество перед А.Е. в то время. Однако, несмотря на временные и относительные неудачи на конкурсах, А.Е. всегда продолжал с успехом выступать с новыми программами как концертный пианист.

И полицейский протокол А.Е., и его свидетельства в суде были пронизаны исключительной ненавистью ко мне. А психиатру, позже, А.Е. сказал, как уже упоминалось выше, что я никогда *не был* хорошим педагогом. Ну что ж, 14 лет – вполне достаточный срок для тестирования моих педагогических способностей...

„Не дай вам Бог“...

*Не дай вам Бог узнать Иудины объятья
В миг ожидания верности порыва,
И пережить смещение понятий
Любви, добра и чести, пока живы.*

*Да, не коснется вас сыновия измена,
Явившись страшною, нежданной ночью,
Что пропастью проляжет между бранным
И вечным, явит разность слов и дел воочию.*

*Не верьте памяти: все призрачно в прошедшем.
Вам грезятся улыбочивые лица?
То дьявола гримасы в царстве вечном
Презренного металла – улыбка на него зарится.*

*Забудьте истины, что впитаны из книг,
Их мерою вещей зовем мы в повседневно.
Но мера в зазеркалье – только выгод миг,
Он держит жизнь клещами в алчном нерве.*

*И не пытайтесь осознать пределы низости людской,
С которой вас судьба столкнула так нелепо,
Их нет и не было средь близости мирской,
Примите этот постулат на веру, слепо.*

Наиболее животрепещущим аспектом моего дела был и остаётся аспект мотивации обвинений. Можно сколько угодно анализировать и доказывать противоречия в показаниях „потерпевших“, приводить множество документов, не вяжущихся с обвинениями, но до тех пор, пока мотивы столь жестокой акции не будут объяснены, вопрос „Почему?“ всегда будет рождать бесконечные сомнения. И действительно, почему пять талантливых, делающих блестящую карьеру юных пианистов, этой самой карьерой обязанных своему учителю, вдруг решили учителя уничтожить? Если обвинения правдивы, тогда всё ясно и логично: зло породило ненависть, ненависть – месть. Если же был заговор, то, во-первых, должны были быть „кукловоды“, либо „кукловод“ [с трудом верится, что *такой* заговор могли осуществить сами студенты], и, во-вторых, у каждого из обвинителей должен был быть очень весомый индивидуальный мотив избавиться от меня. Мотив, который и был умело использован опытным „кукловодом“.

В Австралии у меня был только один по-настоящему смертельный враг, имеющий все основания мне мстить: Уоррен Томсон. Артистический директор Сиднейского международного фортепианного конкурса У.Томсон сыграл решающую роль в нашей эмиграции в Австралию. Он был инициатором моего приглашения в Австралийский институт музыки и осуществил всю организационную часть нашего переезда. Имея колоссальные связи на самом верху Австралийской власти, У.Томсон за несколько месяцев утряс вопросы, на которые сотни тысяч людей тратят годы.

Для чего он это делал? Я, по своей наивности, довольно долго полагал, что целью У.Томсона было поднять фортепианное дело в Австралии. Однако, после нескольких лет жизни в Сиднее я понял, что основной мотив У.Томсона был связан вовсе не с фортепианным делом, а с его личным двойным интересом.

За несколько лет до нашего переезда У.Томсона уволили из Сиднейской консерватории, и он был приглашён в Австралийский институт музыки (АИМ) в качестве административного работника. Сиднейская консерватория никогда не блистала на международной фортепианной сцене. У.Томсон понимал, что пригласив в АИМ музыканта с обширным педагогическим опытом и результатами на мировых международных конкурсах, умеющего работать со студентами любого возраста, - от 3-х лет до 30-и, - он не только таким образом составит сильную конкуренцию консерватории, но выставит людей его уволивших, в беспомощно-неприглядном свете. И действительно, когда мои студенты стали побеждать, либо получать призовые места на крупнейших международных конкурсах, а консерваторские испытывали непреодолимые трудности даже в том, чтобы быть допущенными к участию, цель У.Томсона осуществилась: он *унизил* своих обидчиков.

Вторым личным интересом У.Томсона был интерес весьма деликатного свойства: он хотел, чтобы А.Е., после нашего переезда в Сидней, жил у него в доме. Я по-началу думал, что У.Томсон хочет нам помочь. Всё же содержать такую большую семью, как наша, не имея вообще никакой материальной поддержки, было тяжело. Но постепенно, в течение 1998-1999 г.г., беседуя со множеством людей, я понял, что основным и самым сильным мотивом У.Томсона в вопросах моего приглашения и нашей эмиграции был мотив – *иметь А.Е. в его доме*. Он был готов сделать для А.Е. всё, что только мог, даже подумывал о том, чтобы оформить на А.Е. завещание [мне было известно об этом от директора АИМ]. Но, увы, А.Е. стал встречаться с девушкой. Эти встречи не были невинными: одно время А.Е. опасался, что его подруга забеременела. Для Томсона, как я уже упомянул, всё это было непереносимо в связи с его *сексуальной ориентацией*. Плюс проигрыш А.Е. на конкурсе памяти В.Горовица в Киеве А.Г. Я встречал У.Томсона, А.Г. и А.Е. в Сиднейском аэропорту по прилёте из Киева. Надо было видеть лицо У.Томсона. Он (член жюри) привёз лауреатов 1-й и 2-й премий, престижнейшего конкурса. А выглядел так, как будто приехал с похорон.

Вскоре после этого У.Томсон обратился ко мне с просьбой о переезде А.Г. в его дом, но получил твёрдый отказ. А в октябре 1999 А.Е. переехал к нам, что было для У.Томсона полной катастрофой. Если к этому добавить, что я написал ему письмо с просьбой более не беспокоиться о нашей семье, что мы в состоянии решать свои проблемы самостоятельно, то можно себе представить масштаб его бешенства.

Кроме того, я, после того, как мои студенты показали результаты на больших международных конкурсах, в 2001г. встретился с президентом Сиднейского конкурса К.Дан, и в присутствии ещё одного музыканта заявил, что концентрация власти У.Томсона как артистического директора столь велика, что породила ситуацию, когда конкурс в течение многих лет не даёт ни одного лауреата мировой величины, и предложил К.Дан учредить на конкурсе директорат, состоящий из нескольких известных музыкантов.

То же самое я предложил представителям „Ямахи“, где У.Томсон также был артистическим директором.

Зачем мне всё это было нужно? Я видел, что У.Томсон часто (слишком часто!) принимает решения, базирующиеся не на профессиональном, а личном интересе. Ярким примером является факт, когда к участию в Сиднейском конкурсе не была допущена Ольга Керн, в будущем получившая золотую медаль на конкурсе Клиберна в США. Для меня, как музыканта и человека, всё это было неприемлемо.

В 2003 г. У.Томсон был уволен из АИМ. Его должность сократили. Люди устали от его интриг. Я был в числе тех, кто поддержал увольнение.

Знал ли я, что У.Томсон будет мстить? Да, знал. Он это делал постоянно, по мелочам, после того, как А.Е. переехал к нам. Но я не знал о нескольких важных вещах. Я не предполагал, что У.Томсон пойдёт на то, чтобы полностью разрушить кафедры классической музыки АИМ и довести директора института до инсульта, опозорив его в центральной прессе. Я также понятия не имел, что У.Томсону известно абсолютно обо всём, что происходит в нашей семье. Дело в том, что его помощницей на Сиднейском конкурсе была молодая женщина по имени Джулия, во-первых, находившаяся в чрезвычайно близких отношениях с Е.У., и, во-вторых, дружившая с нашей дочерью (Джулия была свидетельницей Кати на свадьбе). К сожалению, мы слишком поздно поняли, что она вредила нашей семье, снабжая У.Томсона информацией, которую тот использовал против меня. И, наконец, последнее, о чём я не догадывался. У.Томсон напрямую влиял на родителей и студентов, настраивая их против меня. Ярким примером такого влияния является информация, изложенная в стэйтменте Джанет Санмэн, родительницы моего бывшего студента из Перта. У.Томсон в апреле 2003 года посоветовал ей забрать сына из моего класса, а позже звонил к ним домой, в Перт, и уговаривал присоединиться к обвинениям Л.О., А.Е., А.Г. и Е.У. (то же самое делала мать Л.О.). Эта женщина в 2008 году специально прилетела в Сидней (поддержать меня и дать показания в апелляционном суде), но её никто даже не захотел выслушать.

Словом, по моим *предположениям*, „кукловодом“ мог быть только У.Томсон. Как была организована „цепная реакция“ обвинений, я не знаю, и, наверное, никогда не узнаю. Но я точно знаю, что У.Томсон был знаком с родителями Б.С.[родители моих студентов неоднократно видели их вместе на различных местных конкурсах]. Он также знал о нашей дружбе с семьёй Л.О. и об отношении (экзальтированном) Л.О. ко мне. Вне всякого сомнения, У.Томсон владел полной информацией обо всех тонкостях моих взаимоотношений с А.Е., А.Г. и Е.У. Из стэйтмента Джанет Санмэн следует, что У.Томсон и мать Л.О. ([см. прил. №16](#)) были в контакте. В чём я также уверен, так это в том, что украинские студенты были „подключены“ после того, как 18.02.04 судья в магистратуре, где мне были предъявлены обвинения Б.С. и Л.О., не только заявил, что если из 165 студентов (цифра из статьи обо мне в Сидней Морнинг Хэролд 18.01.04) обвинения предъявили только 2, то это ещё не о чём не говорит, не только оставил меня

на свободе под подписку о невыезде, но и разрешил продолжать преподавать (что крайне не характерно для Австралии!). В „подключении“ „украинцев“ , в соответствии с имеющимися документальными свидетельствами, самую активную роль сыграли родители Л.О. и Джулия (читай У.Томсон)., в момент подготовки визита в полицию находившиеся с ними в постоянной связи.

На процессах с А.Е. и А.Г. + Е.У. У.Томсон был свидетелем обвинения. После процессов он написал для А.Е. и Е.У рапорт в связи с их компенсационными исками против меня в Верховный Суд Нового Южного Уэльса, в которых впервые открыто (видимо, в расчёте на то, что об этом не станет известно) атаковал меня как профессионала ([см. прил. №17](#)).

Если всё было действительно так, как следует из стэйтментов Б.С., Л.О. и их родителей (в чём я далеко не уверен!), то определить мотивы обвинений этих студентов несложно.

Б.С. отчаянно не хотел заниматься фортепиано. До 05.12.03. – когда он после урока со мной заявил родителям, что я гей, т.к. якобы поцеловал его в губы, - он по меньшей мере 3 раза категорически отказывался продолжать занятия. Однажды он так оговорил свою бабушку –пианистку, которая специально была вызвана из Брисбана помогать Б.С. в домашних занятиях (я так и не добился от родителей, что Б.С. о ней сказал!), что та была немедленно отправлена обратно в Брисбан. Каждый раз, когда Б.С. хотел оставить фортепиано, я его уговаривал, как мог, и он „отступал“. Сексуальные домогательства стали неотразимой причиной, чтобы *навсегда* расстаться с фортепиано и мучительными многочасовыми занятиями в то время, когда все приятели играют в рэгби, крикет, компьютерные игры или смотрят ТВ. Б.С. допустил лишь одну „ошибку“(как было отмечено выше), сказав, что я сажал его на колени на протяжении двух недель до 05.12.03 в то самое время, когда я давал мастер-классы в Японии, в Токийском музыкальном колледже. После урока 05.12.03 отец Б.С. написал мне вежливое письмо, проинформировав о том, что его сын более не будет заниматься фортепиано. А через 2 месяца родители Б.С. якобы встретили родителей Л.О. (из стэйтментов следует, что встреча была случайной) и якобы рассказали о причинах, по которым расстались со мной. Это, согласно протоколам, произошло 27.01.04. А 29.01.04 отец Л.О., якобы имея информацию от родителей Б.С.(!), привёз Л.О. на занятия к нам домой и заплатил за 10(!) уроков вперёд. 31.01.04 родители Л.О. заплатили за семестр вперёд в институте, и позволили мне приехать к ним домой в тот вечер дать урок Л.О., т.к. я не успел сделать это в АИМ. 01.02.04. в 9-10 часов вечера мать Л.О. якобы поведала сыну историю Б.С., и тот в ответ, якобы исповедался, заявив, что в течении полутора лет находился со мной в насильственной сексуальной связи. *В это же самое время*, 01.02.04, у нас в доме были гости. Между 9 и 10 часами вечера раздался звонок, звонила мать Л.О., и я , на глазах у 7 человек, обсудил с ней дату будущего сольного концерта Л.О. в его школе(!). Я привожу все эти факты. чтобы показать, что многое в той информации, которая следует из стэйтментов и протоколов, не сходится. Для чего родители платили „вперёд“, зная, что. возможно, им придётся со мной расстаться? И уж, конечно, полным абсурдом выглядит звонок матери Л.О.! Характерно, что на вопрос в суде, звонила ли она мне 01.02.04, мать не сказала „нет“, ответом было: „Не помню“. Но если всё же Л.О. действительно оговорил меня 01.02.04, то у него мог быть только один первоначально-спонтанный мотив: породившая гнев и ненависть ревность. Для Л.О., который меня, скажу без лишней скромности, боготворил, никогда не пропуская уроки (4-5-раз в неделю), хотя частенько был к ним не готов, информация от Б.С. была невыносима, смертельна, как нож в сердце. Он мне верил и не мог допустить, что я способен на „такое“. Но если проанализировать, *что же* Л.О. сказал матери, *в чём* он, собственно, меня обвинил, то станет ясно, что самые серьёзные обвинения, - изнасилование и оральный секс, - в процессе судебных

заседаний попросту „лопнули“. Как было сказано выше, Л.О. признал, что фактически сфабриковал обвинения в оральном сексе, а в связи с изнасилованием я был оправдан: свидетельства Л.О. были слишком противоречивы и нереалистичны. Показания Л.О. в отношении демонстрации порнографии вошли в прямое противоречие с данными, представленными суду полицейским компьютерным экспертом, а свидетельства о *месте*, где якобы лежали CD с порно, оказались чистой ложью. Кроме того, письмо-открытка, написанное Л.О. к моему 50-летию 13.09.03 и его признание в том, что он не мог написать подобные вещи *после* начала домогательств, и тем более, изнасилования, ставят под серьёзное сомнение *все обвинения*. Но, повторяю, первоначально-спонтанным мотивом Л.О. могла быть только ревность. Позже, „остыв“, Л.О. „присоединился“ к мотиву родителей, для которых вся ситуация была возможностью поправить своё финансовое положение. Отец Л.О. вышел на пенсию. Работала только мать. Они выплачивали банковский заём на квартиру и рояль, разбили две машины, но главное – мечтали дать Л.О. достойное образование. Как пианист Л.О. мог получить в Австралии, именно фортепианный тренинг, занимаясь со мной. Но для того, чтобы получить комплексное академическое образование высокого качества, включающее все необходимые составляющие для последующего развития и будущей карьеры музыканта, он не мог быть удовлетворён местными стандартами. В США и ведущих европейских странах обучение дорогое (в Джульярде, к примеру, 1 год обучения стоит 20 тысяч американских долларов), родители Л.О. вряд ли финансово это потянули бы, даже получив компенсацию около 50 тысяч австралийских долларов. Но для России, где платить надо значительно меньше, а система музыкального обучения очень крепкая, и значительно более скромной суммы хватило бы. Я думаю, не случайно Л.О. сразу же после моего осуждения, получения компенсации и окончания школы уехал в Москву, в Российскую Академию музыки. Кому-то может показаться, что 50 тысяч не такая сумма, ради которой можно сделать то, на что пошли Л.О. и его родители. А я на это отвечаю, что, во-первых, для любой австралийской семьи это вполне приличная сумма, и во-вторых, деньги были, есть и будут колоссальным „стимулом“ для забвения чести и совести. Люди шли не только на предательство, но, порой, и на убийство ради значительно меньшей суммы, чем 50 тысяч долларов. Я до сих пор уверен, что если бы не мой рапорт директору АИМ относительно обвинений Л.О. на следующий день после того, как семья Л.О. явилась ночью 03.02.04 в наш дом, шокировав нас с женой, и моё категорическое открытое отрицание обвинений и нежелание поддаваться на шантаж, о чём я написал выше, родители Л.О. *никогда не пошли бы в полицию, потому что не собирались туда идти(!)*. Логический анализ всех их действий недвусмысленно указывает на то, что единственной целью, которую они преследовали, было финансовое обогащение. В их показаниях осталось слишком много „белых пятен“ и невероятное количество противоречий для того, чтобы базировать на этих показаниях какие-либо достоверно-определённые выводы. Я далеко не уверен в том, что контакты семьи Л.О. с семьёй Б.С. были именно такими, какими они отражены в протоколах (к примеру, для меня совершенно ясно, что семья Б.С. вообще не планировала идти в полицию), что так называемая „исповедь“ Л.О. имела место, что от суда и жюри не был скрыт рапорт психиатра доктора Ньюэн о психологическом состоянии Л.О., а также во многом другом. Но это не значит, что на основе имеющихся материалов дела невозможно определить мотивацию обвинений, тем более, что мотивы, - *ревность и деньги*, - стары как мир.

Украинские студенты имели два общих очень сильных мотива, а каждый из них – не менее значительный индивидуальный мотив.

А.Г., Е.У. и А.Е. самым убедительным образом доказали, что *ради денег они способны на самую невероятную ложь*, дав под присягой в своих исках 2006 года для Верховного суда Нового Южного Уэльса совершенно невероятную информацию, никак

не соответствующую ни их показаниям 2005 года в суде, ни реальным фактам их биографий. Я об этом уже писал. Добавлю только, что все так называемые психологические „травмы“, обозначенные в исках, не имеют какого-либо медицинского обоснования: не только потому, что произвольно вписаны в иски, даже без консультации с психиатром, но и потому, что на протяжении своей профессиональной карьеры, в течении 12-14 лет, никто из этих студентов *никогда* не нуждался в психиатрической врачебной помощи.

Вторым, общим для „украинцев“ мотивом, была банальная *зависть*. Людям, не знающим все тонкости процессов, происходящих в нашей „австралийской“ семье этот мотив может показаться не реалистичным. Но тем не менее, эта страшная разрушительница человеческих отношений в последние (а может быть, и не только) перед обвинениями годы постоянно „грызла“ не только студентов, но, несомненно, их родителей, которые были абсолютно уверены в том, что мое личное благосостояние и благополучие нашей семьи было результатом использования таланта их детей. Семьи А.Г., Е.У. и А.Е. мечтали эмигрировать в Австралию. Я понимал это их желание и делал все для того, чтобы приблизить его исполнение: сначала все студенты получили статус Австралийских резидентов, а затем и гражданство. Они также получили высшее образование (за исключением А.Г., по причине возраста) и имели хорошую работу по специальности. Со временем, желание родителей осуществилось бы. Но на фоне роста материального благосостояния нашей семьи эти их ожидания, - им и их детям, - казались очень далекими и вряд ли осуществимыми, именно из-за моей концентрации на нас (мне и моей жене) и дочери, вышедшей замуж за А. Колтакова (как я писал, этот брак был недолгим: после того, как меня посадили в тюрьму Катя с Алешей разошлись.) Что же А.Г., Е.У. и А.Е. могло „грызть“? С того момента, когда в 2002 году они отделились от нас, сначала снимая общую на всех квартиру, а затем разъехавшись по отдельным жилищам, материально они поддерживали себя сами. Я не думаю, что им было легко. Но я также не думаю, что у них не было возможности зарабатывать так, чтобы жить достойно и в конце концов даже приобрести свою жилую собственность. Все зависело только от них. Я никогда не брал с них деньги за тысячи уроков, постоянно снабжал их частными и институтскими учениками. Откровенно говоря, за них я был готов кому угодно „глотку перегрызть“, хотя сейчас я понимаю, что для А.Г., Е.У. и А.Е. это было не важно. А важно было вот что.

Мы купили дом и квартиру для дочери с зятем. То есть были в состоянии взять кредит в банке, и помогли сделать то же самое молодым. И дом, и квартира были полностью обставлены. У каждого из нас (включая дочь) была своя машина. Мы купили (взяли заем в банке) рояль „Стэйнвэй“, новый, западногерманский. У дочери также был рояль. Я постоянно 5-6 раз в году летал в Японию и Корею, где работал приглашенным профессором. Возможно, меня можно упрекнуть в том, что для Катинной семьи я, - с момента их женитьбы, - делал в материальном отношении значительно больше, чем для студентов, но только в материальном. Все, что касалось профессии, зависело от интенсивности и качества занятий А.Г., Е.У. и А.Е. В педагогической помощи я был безотказным, и, к примеру, вывел А.Г. на большую международную сцену, именно потому, что ощущал его колоссальную отдачу.

Я думаю, что и свадьба Кати с Алешей вызвала зависть. Они венчались в русской православной церкви, а затем была свадьба в ресторане гольф-клуба. Всё было очень красиво и достойно. Наш друг, Роман Полура, сделал потрясающий видеofilm. Мы отослали его родителям студентов, что вероятно, не должны были делать, т.к. все эти „красиво и достойно“ они „примеряли“ на себя и своих детей. Ярким примером того, что зависть *была*, и как ее „прорвало“ в матери А.Г., является конфликт, неожиданно возникший между нею и моей женой. Как я уже писал, за 2 дня до свадьбы Кати А.Г. попал в страшную автокатастрофу и едва не погиб. Мы срочно организовали приезд его

матери, т.к. до того, как он был прооперирован, вопрос о состоянии его здоровья и будущей жизни не был очевидным. Мать по приезду, естественно поселилась у нас. Пока А.Г. лежал в госпитале, я возил её к нему каждый день. А когда его выписали, мы с женой старались делать всё, от нас зависящее, для того, чтобы А.Г. поправлялся как можно скорее, а его мать, живя у нас в течении полутора месяцев, ни в чем не нуждалась. Все наши друзья „ублажали“ её, как могли, проявляя австралийское гостеприимство, и понимая, какое горе ей пришлось пережить. И вот однажды эта женщина заявила жене, что у нас в доме очень холодная атмосфера, в смысле не совсем человеческая. Она старалась не только оправдать совершенно глупый поступок её сына, - он без разрешения, пытаясь обмануть меня, положив в свою постель „куклу“, поехал с другом глубокой ночью, после дождя, когда дорога была небезопасна, снимать на видео ночной Сидней, - но обвинила нас в том, что именно „холодная атмосфера“ нашего дома подтолкнула А.Г. к автокатастрофе. Мы с женой были потрясены этими „психологизмами“. Но более всего меня поразила неблагодарность этой женщины. Неблагодарность, которую могла породить только зависть. Она увидела, какой невероятный скачок в плане социально-материального благополучия совершила наша семья за 4 года. В то же время она была убеждена, что все наши успехи – это результат использования её „гениального“ сына. Она забыла обо всём, что предшествовало победам А.Г. О том, что он мог и не стать пианистом, если бы не мои усилия, мог не победить в Хамаматцу, не „высиди“ я всю его программу и не поддержи профессионально и личностно-морально во время этого, ставшим трамплинным для А.Г. конкурса. Не думаю, что позиция родителей Е.У. и А.Е. была иной, хотя они её нам не высказывали. Убеждён, что эта позиция со всей полнотой проявилась у их детей, когда те, решив в одночасье покончить не только с нашим благополучием и процветанием, но и с нашим будущим, предали меня.

Индивидуальный мотив Е.У. был связан с его серьёзнейшей проблемой: гэмблинг. Е.У., начиная с 2001 года, стал „игроком“. К моменту, когда он пошёл в полицию, чтобы оговорить меня, он (как я уже писал) проиграл более 25 тысяч долларов и был весь в долгах. В общей сложности Е.У. потерял более 70 тысяч. Это только то, о чём мне известно достоверно. В 2003 году я готовил Е.У. к конкурсу в Хамаматцу (Япония). Шансы у него, на мой взгляд, должны были быть хорошими. Его допустили к конкурсу без прослушивания, т.к. я был педагогом А.Г., который стал победителем предыдущего конкурса. Моему педагогическому качеству, так сказать, верили. Е.У. до этого в 2000 г. стал лауреатом Сиднейского международного конкурса, показав очень хороший потенциал. Подготовка в моём классе обычно проходила так: студент должен был „довести“ репертуар до самого высокого возможного уровня самостоятельно, а затем начиналась „доводка“ на моих мастер-классах, где я шлифовал пьесы на „публике“ и, естественно, обыкновенных уроках. За несколько месяцев до конкурса и до начала мастер-классов Е.У. пришёл ко мне в класс, и, рыдая, сообщил, что он играть не готов, что он очень „плохой человек“ (это его слова!), т.к. не занимался, а постоянно „играл“. Я был в шоке. Проблема была очень серьёзной: Е.У., к примеру, брал деньги у сожителей по квартире заплатить по счетам, либо получал гонорары за концерты, и тут же шёл всё это проигрывать. Он брал у родителей студентов деньги за многие уроки вперёд и влез в страшные долги. Я в тот же день организовал для Е.У. консультации с врачом, специалистом по этой проблеме. На суде, когда мой адвокат спросил Е.У. об „игре“, тот тут же ответил, что это стало результатом сексуальных домогательств [характерно, что Е.У., как отмечалось выше, не только не упомянул о своей проблеме в полиции, прокуратуре и суде (до вопроса моего адвоката), но и в его иске ко мне в 2006 году]. Адвокат тут же нашёлся и спросил Е.У., если это так, как же я мог направить его к врачу: ведь всё бы открылось? На что Е.У. ответил, что был у врача только один раз. Позже я узнал, что Е.У. дошёл до того, что стал воровать товары из магазинов. И тогда

я вспомнил, как на Украине, в Харькове, однажды спас Е.У. от гнева администрации школы, где тот учился, а я работал (Е.У. могли попросту из школы исключить!), когда открылось, что Е.У. отбирал деньги у младших школьников.

Индивидуальные мотивы А.Г. и А.Е. во многом схожи, либо связаны друг с другом.

Схожи, потому что незадолго до их заявления в полицию у меня возникли очень серьёзные конфликты с их подругами, сербскими девушками – моими студентками (семьи которых, кстати, очень хорошо знали семью Л.О. по сербской диаспоре), которые, во-первых, считали, что я уделяю им недостаточно профессионального внимания, и, во-вторых, неправильно веду себя по отношению к А.Г. и А.Е. Девушка А.Г. жаловалась одному из моих коллег (тот изложил это в стэйтменте! [\(см. прил. №18\)](#)), что я не даю А.Г. нормально жить, заставляю много заниматься, а она, в результате, не может проводить с А.Г. достаточно времени [в полицейском протоколе отражено, что эта девушка говорила буквально следующее: „Когда мы избавимся от профессора? Когда он даст нам нормально жить?“. Подруга А.Е. считала, что я мало занимаюсь не только с ней, но и с А.Е. Её мать „збросала“ меня электронными посланиями, в которых советовала мне больше времени и внимания уделять А.Е. Профессиональный уровень обеих девушек соответствовал уровню советского культпросветучилища. Они были не в состоянии самостоятельно работать, и в связи со слабыми способностями, и по причине лени. В то же время довольно часто они вели себя вызывающе: в частности, неоднократно покидали класс, „хлопая“ дверью. Мне это в конце концов надоело: эти особы понятия не имели о своём профессиональном положении и не ценили то, что я для них делал. Я предложил им перейти к другому педагогу. В ответ последовала „телега“ на меня в администрацию. Я был непреклонен. В результате девушка А.Г. покинула институт, а девушка А.Е. продолжала „бороться“. Поразительно, что она настаивала на обучении у меня и после того, как А.Е. меня обвинил! 31.01.04, за две с половиной недели до визита А.Г. в полицию, у меня с ним состоялся очень тяжёлый разговор. Я сказал А.Г., что категорически против его общения с семьёй его девушки, т.к. ни она, ни семья не понимают его предназначения: её интересуют только развлечения и „тряпки“. А родителей – выгодная партия. Это была моя роковая ошибка! Мне не следовало вмешиваться в личную жизнь А.Г., хотя делал я это потому, что фактически относился к А.Г., как к сыну. Результатом того разговора стали непреодолимые вражда и ненависть ко мне не только А.Г. и его девушки, но и всей её семьи. После моего заточения в тюрьму А.Г. женился на своей избраннице, и, судя по его многочисленным интервью, вполне счастлив. И, последнее, об индивидуальном мотиве А.Е. Как я уже писал, после нескольких неудач на конкурсах, А.Е. стала „грызть“ профессиональная зависть. Он искренне считал, что его профессиональные неудачи связаны не с его ленью, а с моим нежеланием с ним заниматься. А.Е. так и сказал на суде: „Он (я) перестал со мной заниматься!“

Обозначая мотивацию обвинений украинских студентов, необходимо также учитывать так называемый ментальный фон, на котором подростки развивались в Австралии. Они приехали в новую, совершенно чужую страну с несформировавшимися характерами и менталитетом. Страну, где на такие вещи, как дисциплина, трудолюбие, добросовестность, подростковая зрелость, уважение к старшим, ответственность за выполнение поставленной задачи и многое-многое другое существовали (и существуют!) совершенно другие по сравнению со славянским менталитетом, и, в частности, русско-украинским менталитетом, взгляды. Страну, со множеством соблазнов и искушений, которые деформировали молодую и неопытную поросль. Если ты, читатель, спросишь меня, повторил бы я нашу Австралийскую эпопею, будь возможность всё вернуть назад, я с уверенностью отвечу: „Нет! Никогда!“ Подростки

должны воспитываться в семье, с родителями. Во всяком случае не так от родителей далеко, не на краю Земли.

На мой взгляд, предательству 3-х украинских студентов кроме всего прочего, также способствовало существующее, именно в Австралии, своеобразное отношение к юному таланту, учителю и педагогике.

К сожалению, и это признано правительством, общий педагогический уровень в этой стране оставляет желать много лучшего.

Для большинства людей здесь юный талант – это нечто неординарное, вырастающее само собой. 8-9 – летние дети, играющие двумя руками, использующие педаль, исполняющие музыкальные пьесы наизусть, воспринимаются как гении. Ну а если 10-12 – летний ребенок выступает с большой программой и знакомит слушателя с очень трудными „взрослыми“ сочинениями, его называют самородком.

Таким образом, австралийское общество, фактически, не ценит педагога. Слово „учитель“ в Австралии, по сравнению с Европой и, особенно, Азией, практически, - пустой звук, да и финансовое положение большинства учителей весьма скромное. Видимо, поэтому в местных школах на уроках часто отсутствует дисциплина, а отношение студентов к учителю – вполне панибратское. Кроме того, борьба за комфортабельность (читай, распущенность) учащихся привела на сегодняшний день к ситуации, когда огромное множество австралийцев страдает полуграмотностью: не могут правильно писать и считать. Что касается музыкальной педагогики, могу с уверенностью сказать, что австралийская публика даже не представляет себе, что уже давно в мире существуют технологии, позволяющие научить профессионально, - на достаточно высоком уровне, - владеть музыкальным инструментом *любого* здорового ребёнка. И не только владеть, но и воздействовать на аудиторию. Это вовсе не значит, что все одинаково музыкально одарены. Нет, конечно. Но для того, чтобы настоящий, природный талант засверкал, его необходимо раскрыть. И вот здесь без опытного учителя никто ничего не сделает. И это произойдёт по очень многим причинам. И прежде всего потому, что талант раскрывается тогда, когда маленький музыкант начинает *высказываться* с помощью фортепиано. И тогда, когда ему есть *что* сказать. Эти два момента на первый взгляд кажутся очень простыми. Но на практике, - в данном случае на австралийской практике, - между талантом чувствовать музыку, наличием духовного багажа и способностью говорить, играя на инструменте и воздействуя на публику, существует непреодолимая пропасть. Именно по этой причине долгое время австралийская педагогическая школа была не только не уважаема за рубежом, но даже неизвестна. Студенты, приезжающие из азиатского региона учиться в Австралию, либо не могли поступить в высшие учебные заведения в своих странах из-за несоответствия необходимому уровню, либо хотели остаться в Австралии жить. Я не знаю ни одного иностранца, обучавшегося на зелёном континенте в 60-90-е г.г. и получившего после этого признание за рубежом. Впрочем, не только иностранца, но и австралийца, т.к. все австралийские пианисты, сделавшие международную карьеру, так или иначе получили *высшее* образование либо в Европе, либо в США.

Пишу я об этих не вполне приятных вещах потому, что во время судебных процессов с моими бывшими студентами у меня сложилось впечатление, что и прокурор, и судья, и жюри были абсолютно уверены, что все „потерпевшие“ – самородки. Что им и педагог, вероятно, был не нужен. Что педагогу просто повезло на таких талантливых учеников. И этот взгляд, как мне кажется, стал основанием для слепой веры обвинителям со стороны жюри и судей, которым и в голову не приходило, что не попади в свое время все „потерпевшие“ ко мне в класс, они *никогда* не только не играли бы на фортепиано, но не были бы раскрыты лично. И никто бы в жизни не догадался, что у них есть способности высказываться с помощью этого клавишного инструмента.

Я знаю, что талант не только раскрывается, но ещё и выращивается. Представляю себе редкий цветок, который ботаник бережно растит долгие- долгие годы. Он не знает, что когда тот расцветёт, его пыльца наполнится смертоносным ядом. Однажды ботаник приходит в оранжерею и видит, как удивительно красив его цветок, чувствует, какой тонкий аромат он издаёт. Ботаник так этим горд. Ему кажется, что он не зря прожил свою „ботаническую“ жизнь. Счастливый, он подходит к цветку, вдыхает пыльцу и... умирает. Вам хотелось бы знать, что после этого происходит с цветком? Но мне это уже не интересно. Мораль сей притчи такова: „Никогда ничего редкого не выращивайте. Если хотите быть ботаником, выращивайте то, чего и так вокруг много. И что точно не отравит. И дешевле, и жизнь сохраните“...

„Человек ко всему привыкает...“

1

*Человек ко всему привыкает
Со временем, постепенно.
Ко всем ненастьям веками
Готовят его отменно.*

3

*Но есть на свете две вещи,
К ним невозможно привыкнуть
Ни с предсказанием вещим,
Ни со знаньем старинных свитков.*

5

*Измена и несвобода -
Два адовых страшных слова.
Готовьтесь веками народы -
Не станете лучше готовы.*

7

*Растопчут, осудят, забудут:
Изгнанье – изгоев обитель,
Лишь время. – небесное чудо, -
Оставит судьбы повелитель.*

9

*И лишь на доньшке сердца,
Сокрыто, невидно, неслышно, -
Непривыкания скерцо
Живёт, и, стало быть, дышит.*

2

*Природные катастрофы
Болезней напасть и войны,
И даже смерть, как Голгофу,
Он принимает достойно.*

4

*От них уберечь в молитве
Людское сословье стенает,
Лишиться любых реликвий
Готовы, кто цену знает.*

6

*Настигнут внезапно, смертельно
Ужасят, отнимут, низвергнут,
Улыбчиво, сладко-елейно,
Злорадно-жестoko отвергнут.*

8

*И к сотням тысяч мгновений
Из жизни, - уж есть какая, -
В терпеньи и нетерпеньи
Обыденно привыкаем.*

10

*Возможно в какой-то месяц,
Возможно, какого-то года,
Сыграем шутку вместе
С изменою и несвободой.*

Думаю, что не ошибусь, если предположу, что тюрьма многих людей приводит к Богу. Не к формально-ритуальному, но на самом деле существующему, к которому вы обращаетесь, как к собеседнику, и главное, ощущаете его присутствие, т.е. верите в его реальность. Верите в то, что он вас слышит, очень надеетесь на его защиту, помощь. Происходит это от того безысходного отчаяния, в которое рано или поздно погружаются все без исключения заключённые. И тем из них, кто воспринимает пребывание в тюрьме, как очищение души, открывается путь к вере, утешению, надежде...

Тюрьма делает всё для того, чтобы вам было плохо, очень плохо. Вас унижают, к вам относятся, как к ничтожеству, вас могут избить, убить. В какой-то момент вы начинаете понимать, что путь ожесточения и злобы, на который вас толкают ваши мучители, только усугубляет положение: вам становится ещё хуже. И вы пробуете сначала не реагировать на зло, затем, прощать, - специально, внутренне прощать, - зло творящих, и постепенно, молясь утром и вечером, прощая каждый день каждого, кто вас унизил, обидел, вы начинаете ощущать, как ваша душа теплеет, открывается для добра. Но вся штука в том, что это происходит лишь тогда, когда вы погружены в это состояние прощения и общения с Богом постоянно, т.е. когда душа неустанно трудится. Это нельзя делать от случая к случаю. Это как дыхание. Либо вы дышите и живёте, либо...

Как прав А.И.Солженицын, когда пишет, что „когда нам плохо – мы ведь не стыдимся Бога. Мы стыдимся Его, когда нам хорошо“. И ещё: „На гниющей тюремной соломке ощутил я в себе первое шевеление добра. Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями – она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами. Даже в сердце, объятom злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце – неискоренённый уголок зла.

С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить“.

„Тюрьма, как чёрная дыра...“

*Тюрьма, как чёрная дыра, - затягивает,
Всё в прошлом белое, всё будущее – в чёрном.
От скрежета железа ночью вздрагиваю,
Не ощущая явь в спросонье вздорном.*

*Несбыточны мечты, убиты чаяния.
Вся жизнь зачёркнута единым росчерком.
Отчаяние, отчаяние, отчаяние
Сковало душу, вытеснив всё прочее.*

„Окну тюремной камеры“

1
*Тебя – решёткою, и ты,
Скорбя о жёсткости людей,
Даруешь взору – сплошь кресты,
Как символ душ в судьбе твоей.*

3
*Стены спесивость в пол-окна
Гордынно-важно восстаёт,
А коронована стена
Колочей сталью – беглых ждёт.*

2
*Какие стоны, мольбы, плач
Навзрыд и скупом затаюсь,
Хранят кресты? – судьба – палач
В них проступает, зло смеясь.*

4
*И всё же, как в любой судьбе,
Всегда добру приходит срок:
Кусочек неба, - вслед мольбе,-
Послал тебе в награду Бог*

5

*В нём - крест летит, взмывая ввысь,
И вырываясь из полон -
Ощирившейся стали визг
Отчаен, слышен стены стон.*

7

*В нём – сладость воли, святость чувств
К деянью чудному творца,
Творец в улыбке прячет грусть:
Чреде крестов не зрит конца.*

6

*Небес свободы редкий дар
Твой крест обрёл и в тот же миг
В ответ на гибель злобных чар –
Оживших душ победный крик.*

8

*В тюремной камеры окне,
Когда настигла грусть-печаль,
Открылась мудрость жизни мне.
Недосыгаема, как даль.*

„Обретаю безразличие“

*Обретаю безразличие – Будды будни,
Абсолютно счастливым бреду по жизни,
И на воле о воле не брежу присно,
И в неволе невольным не стану, не буду.*

*Ненависть, извергаясь тупо-яростно,
Из толпы, обжигает, жаждет ответа,
В молчаливой молитве, - возжелении света,-
Возлюблю, но не очень сильно, не страстно.*

*Принимаю смиренно нисходящие свыше
Боли и радости – без различия,
Отторгаю, отряхиваю всё лишнее,
К тишине припадаю, что б Его услышать.*

*А услышав, теряю реальности суть
От любви, воссеявшей так нежно, так лично,
Я готов ко всему отнестись с безразличием,
Только взор обрати, только, Господи, будь!*

Об охранниках в австралийской тюрьме, наверное, можно было бы написать отдельную книгу. Каждый день тюремной жизни приносит всё новые и новые впечатления от общения с этой ни на кого не похожей кастой.

Почему их *так* не любят? Почему называют удивительно ёмким и характерным словом „винт“ (англ. „screw“)?

Наверное, прежде всего, потому что они используют горе, порой безысходное отчаяние людей, чья жизнь безвозвратно разрушена, в своих личных, корыстных целях. Эта корысть связана не с какими-то материальными благами, но с компенсацией их чувства собственной неполноценности.

Если за тюремными стенами, на воле, вас никто не уважает, часто, может быть, не любит, поскольку вы, по сути, ничего не умеете делать, и к вам иначе, чем с презрением, не относятся, и вся ваша жизнь проходит под знаком унижения. Вы, переступая порог тюрьмы, всем своим существом „впиваетесь“ в заключённых, вымещая на них свои обиды, унижая их нещадно, давая им при первой возможности

почувствовать, что они – рабы, а вы – обладатель неограниченной власти. Вы используете тысячи мелочей, из которых состоит тюремная жизнь, чтобы продемонстрировать эту мизерную, по-существу, никчемную власть. Но для человека отчаявшегося любая мелочь может стать последней каплей...

Порой действия надзирателей бывают не столь „мелочные“. Однажды, два офицера насильно заставили заключённого жить в одной камере с другим заключённым, которого первый боялся. Как выяснилось, боялся не напрасно. Тот его убил. Причём, убивал так, что крик несчастного разносился на весь тюремный блок. Заключённые из соседних камер звали надзирателей на помощь: стучали в закрытые двери, кричали. Никто не пришёл. Позже, газеты штата сообщили, что офицеры допустившие (??!) убийство (они его, по сути, организовали!), - уволены. Ничего подобного, они продолжают работать по сей день. Их просто „перетасовали“.

В случае, касающемся лично меня, один из офицеров в моём присутствии неоднократно провоцировал убийцу, отбывающего пожизненный срок, убить *меня*. Через неделю этот юный головорез (22-23-х лет) вошёл ко мне в камеру, и, ни слова не говоря, ударил меня в височно-глазную область, сломав кость, поддерживающую глаз. Если бы удар оказался чуть сильнее, я вряд ли писал бы эти строки. По „странному“ стечению обстоятельств, в момент, когда я был атакован, в районе моей камеры и даже на всём этаже не оказалось ни одного охранника, хотя эта зона была зоной повышенной защиты и там обычно дежурили 4-5 офицеров. „Скорая“ отвезла меня в госпиталь, где я провёл несколько дней. Глаз так распух, что операцию на сломанно-смещённой кости назначили на несколько дней позже. Я вернулся в тюрьму. В день операции, рано утром, ко мне в камеру буквально ввалился тот самый офицер, кто спровоцировал попытку убийства, и сообщил, что меня срочно переводят в другую тюрьму (несколько часов езды от Сиднея). Он не желал ничего слышать о назначенной операции. У меня случился сердечный приступ. В тюремной клинике я сказал врачу об операции, однако, тот не мог найти ни в одном файле, ни где-то еще никакой информации об этом. Оставив меня в своем кабинете, он отправился на поиски факса, который обычно присылают из госпиталя, подтверждая дату операции. Через 30 минут врач вернулся в состоянии крайней раздраженности: он выяснил, что кто-то положил факс в такое место, куда документы такого рода никогда не кладут. Другими словами, факс, попросту, спрятали. Некий „кто-то“ очень хотел, чтобы в день операции я бы оказался не в госпитале, а в другом городе и в другой тюрьме. Возможно, этот „кто-то“ хотел организовать (а может быть и организовал!) для меня какой-нибудь „сюрприз“ в траке при переезде, так же, как ранее было организовано неудачное покушение на мою жизнь. Мой адвокат потребовал провести расследование. Оно было начато, но навсегда „повисло“ в воздухе. (Я был еще дважды атакован, теперь уже офицерами. И что же? Расследование так же „было начато“....) Офицер, затеявший всю эту мерзость, продолжает благополучно работать там же, где и раньше...

Все то, о чем писал А. И. Солженицын об охранниках ГУЛАГа первой половины 20-го века, можно отнести к большинству (за редким исключением) австралийских охранников сегодняшнего дня:

„Уж не спрашивая о даровании – может ли пойти в тюремно-лагерный надзор человек, способный хоть к какой-нибудь полезной деятельности? – зададим вопрос: вообще может ли лагерщик быть хорошим человеком?“

„Всякий человек, у кого хоть отблеск был духовного воспитания, у кого есть хоть какая-то совестливая оглядка, различение злого и доброго – будет инстинктивно, всеми мерами отбиваться, чтобы только не попасть в этот мрачный легион“.

„Они по службе не имеют потребности быть людьми образованными, широкой культуры и взглядов – и они не таковы. Они по службе не имеют потребности мыслить

логически – и они не таковы. Им по службе нужны только чёткое исполнение директив и бессердечность к страданиям – и вот это их, это есть“.

Одной из уникальных особенностей тюрем Нового Южного Уэльса является пестрота внутри тюремных правил. Видимо, это связано с 200-летними австралийскими традициями. Начальник тюрьмы, - местный царёк, - имеет право установить любые порядки. Множество абсолютно необъяснимых „новшеств“ возникли в тюрьмах как следствия различных инцидентов. Скажем, в такой-то тюрьме заключённый атаковал охранника стулом. Тут же во всей тюрьме вводится запрет иметь стул в камере. Где-то в охранника бросили соль или перец – тут же запрет солить либо перчить пищу. Если кто-то когда-то задушил кого-то подушкой – будете спать без подушек. В некоторых тюрьмах нельзя держать в камере зубную щётку, пасту, шампунь. Ни охранников, ни их начальство не волнует абсурдность и алогичность многих правил. Почему в одной тюрьме вы можете держать в камере лезвия для бритвы, но не можете купить консервы в банке (крышку можно использовать как острое оружие), а в другой, наоборот, консервы – пожалуйста, а лезвия – ни-ни. Однажды, заключенный плеснул в офицера горячим оливковым маслом. В этой тюрьме все заключенные навсегда лишились права покупать оливковое масло. Но при этом, они могут кипятить воду без ограничений. Я знаю тюрьму, где начальник запретил заключенным покупать овощи, фрукты, мед и много другой здоровой пищи. А если вы купите что-либо из этих продуктов в другой тюрьме, до переезда, по его приказу, все будет конфисковано. Когда-то в одной из тюрем Нового Южного Уэльса заключенные использовали компьютер для неприемлемых целей. С тех пор *всем* заключенным *штата* (!) было запрещено пользоваться компьютером (без подключения к интернету!) без сопровождения служащих тюрьмы (сколько служащих необходимо для этого иметь?!). И это при том, что в соседних штатах вы можете иметь компьютер в камере (!). Все это иначе, как идиотизмом не назовешь, но все это существует *сегодня*, в 21-м веке, и все это тщательно скрывается от австралийского общества. Хотя обществу так могут „промыть мозги“, что общество все это с удовольствием поддержит. В чем причина этих явлений? Я убежден, что в низком уровне образованности тех, кто руководит этой отраслью в правительстве штата, в их полном непонимании смысла реабилитации. Как известно, реабилитировать – означает помочь вернуть человеку чувство собственного достоинства. Можно ли это сделать с помощью идиотического унижения и репрессивной идеологии?

„Вы себя зовете офицерами...“

*Вы себя зовете офицерами,
Щеголяя браво в униформе,
И не ведая, что выправкой, манерами,
Сутью собственной столь далеки от нормы.*

*Норма – честь, достоинство, терпимость,
Благородство, выдержка и совесть, -
В вашем пониманьи – только мнимость,
Глупости с бессмысленностью помесь.*

Все обуяны единой страстью,

*Манией, что стала смыслом жизни:
Раздавить, унижить, слать ненастья –
Узники – не люди: черви, слизи.*

*Ввинчиваясь в судьбы неустанно,
Наслаждаясь горем откровенно,
Неслучайно постепенно стали
Все „винты“ „винтами“ во Вселенной.*

И все же, несмотря на мрачную ауру этого печального места, тюрьма приносит вам почти каждый день и почти каждую неделю радости, на которые на воле вы бы и внимания особого не обратили. Здесь же они становятся праздниками вселенского масштаба. Вы ждете их, мучительно считая дни, часы, минуты. Вы трепещете перед этими мгновениями, стараясь их продлить, удержать памятью каждый миг. Это – 6-минутные телефонные звонки домой и свидания. И это, действительно, Божья благодать. Неважно, что охранники всеми силами стараются „стереть“ из вашей памяти это прикосновение к воле, вытравить из сердца чувства, возвышающие вас над колючей проволокой. Важно, что вас любят и ждут! Важно, что *ваша* любовь становится все сильнее!

„6 минут“

*Шесть минут, - так мало и так много:
Десять фраз, как сполохи Вселенной,
Ожиданье родника дорогой,
Омовенье влагой вождеденной.*

*Где-то рядом серебрится голос,
Но не тронуть губ прикосновеньем,
К трубке льнет прохладой нежен волос,
Не к руке, горячей в нетерпеньи.*

*Не глазам глаза дарят сиянье,
И слезам не встретиться в смешеньи,
Сделай, Боже, наши “ не гулянья ”
Светлым завтра, счастья утоленьем.*

*Времени познание в совершенстве –
Шесть минут: блаженства нескончанье,
Несравненно много для блаженства,
Несравненно мало для молчанья.*

„Свидания с тобою родниковые ...“

*Свидания с тобою родниковые
Мне жажду встреч в разлуке утоляют,
Сиянье глаз медово – вересковое
Надеждой раненную душу наполняют.*

*Миг ожидания, касанья чудный миг,
Твой облик, голос, нежности дыхание,
Бальзам диковинный, живительный родник:
К губительной тоске непривыкание.*

*Дай времени, Господь, в достатке мне,
Неволю пережить, ожить, не сдаться,
Что б наяву, не в грезах, не во сне
С любимую любовью сочетаться.*

*Я поведу тебя в храм, там
Нас обвенчают на вечные веки.
Кабы дожидаться я смог, Бог,
Благослави в благодать поверить.*

*Нежная моя девочка,
Славная моя сладушка,
Ты – как сирени веточка,
Свет чистоты радужной.*

Завершая повествование, я ещё раз хочу подчеркнуть, что главными уроками А.И.Солженицына почерпнутыми мною, австралийским зэком 21 столетия, стали в первую очередь не та схожесть полицейско-прокурорско-судейской системы СССР эпохи Сталина и современной Австралии, - имею в виду не формальную схожесть (с формальной точки зрения австралийская система вполне демократична), а сутевую, - но те духовные процессы, которые тюрьма, не как „пропасть“, а как „важнейший излом жизни“ детонировала в душе писателя. Именно, этот духовный свет и стал для меня светом в конце тоннеля, за который я так благодарен Мастеру.

„Узники великие России“ ...

*Узники великие России
Ссылок, тюрем, лагерей и каторг,
Вам – из сердца глубины: „Спасибо!“, -
За терпенье, мужество, что святы.*

*Судьбы ваши, как бесценные уроки,
Познаю в тюремном повседневье,
Может, оттого не страшны сроки,
Что стараюсь жить в „железных“ нерве.*

*Не сравнить страданья наши,знаю,
И в Крестах, и в Тишине Матросской,
А ГУЛАГ – как несогбенных знамя,
Вечности легенда, притчей россыпь.*

*Но всё явственнее, глубже ощущаю
Узы братства через расстоянья,
Схожесть боли и судьбы печальной,
И желанной воли ожиданье.*

Послесловие

Возможно, многие читатели воспримут мое повествование как антиавстралийское по сути. И даже до некоторой степени исполненное ненависти к Зеленому континенту. Хочу со всей убежденностью заверить: это не так! Я влюбился в эту страну с „первого взгляда“ в 1997, и продолжаю искренне любить Австралию и ее жителей. Я безмерно благодарен тем из них, кто поддерживал и поддерживает меня в заточении. Всегда буду помнить преданность студентов, их родителей, наших коллег и друзей. Это дорогого стоит.

В то же время, я уверен, что любить страну вовсе не значит замалчивать пороки и язвы, накопленные обществом за два столетия.

Когда я пишу о язвах СССР, о геноциде Сталина, это вовсе не значит, что я не люблю страну, где я родился и вырос, страну, меня воспитавшую, давшую образование, культуру, всё, о чем может мечтать современный человек. Я хорошо помню, что мой отец, в 17 лет добровольцем ушедший на фронт Великой Отечественной, поднимался в атаку с именем Сталина на устах.

Но я также не могу забыть, что моя незабвенная учительница, великая еврейка Регина Самойловна Горовиц, всю свою жизнь подвергалась дискриминации только потому, что во-первых, была еврейкой, впрочем, как и миллионы советских людей еврейской национальности, а во-вторых, потому, что „имела несчастье“ быть родной сестрой всемирно известного американского пианиста Владимира Горовица. Мне никогда не стереть из памяти факт, что коммунистические лидеры запретили проводить панихиду, в связи с ее кончиной, в Харьковской консерватории, где она проработала 40 лет.

После всего, что случилось со мной в Австралии, я не могу молчать. И дело не только в том, что я был несправедливо и незаконно осужден и разлучен с семьей; что на мою жизнь в тюрьме, по вине властей, покушались; что меня лишили австралийского гражданства, не дождавшись исхода моих апелляций ([см. прил. №19](#)); что ежедневно я подвергаюсь нещадному унижению молодчиков-надзирателей, не имеющих малейшего представления о культуре и сострадании; что все мои попытки с помощью неоспоримых фактов доказать мою невиновность наталкиваются на непробиваемую стену политико-юридической машины; что состояние моего здоровья ухудшается с каждым днем, т.к. 4 года я закрыт в одиночной камере 22-24 часа в сутки и не могу полноценно двигаться; что почти 5 лет я не дотрагивался до фортепианной клавиатуры, т.к. тюремное начальство классической музыкой не интересуется. Дело в том, что взгляд с этой стороны решетки на Австралию открыл мне вещи, о которых я раньше не подозревал. Я не знал, что не существует людей плохих и хороших: все люди достойны любви; что сострадать - значит страдать вместе, либо - вместо, а не просто „отстегивать“ миллионы на благотворительность, оставляя себе - миллиарды, и проигрывая их в казино, либо строить суперкомфортабельные тюрьмы и при этом,

относиться к заключенным как к рабам, лишенным чувства собственного достоинства; что достигнув высочайшего уровня материального благосостояния и экономики, можно внутренне оставаться малокультурными и поверхностными людьми, боготворящими лишь спорт, не понимая, что уровень развития серьезного классического музыкального искусства и его представления за рубежом есть показатель зрелости общества и мудрости государства, показатель во-многом определяющий международный престиж страны.

Я очень надеюсь, что "Уроки А. И. Солженицына" "встряхнут", по-меньшей мере, русскоязычное население Австралии, а возможно, и диаспоры других стран. Хочу верить, что когда-нибудь наступит время, и люди перестанут делить мир на государственно-административные единицы, станут жить на Земле единой, любящей друг друга семьей.

Австралийские тюрьмы, 2005-2009